

ТИМОФЕЙ КУЛАБУХОВ

КАЙЛ СОЛЛЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА • XII ВЕК

Тимофей Кулабухов

Кайл Соллей

<https://litres.ru/73923656>

SelfPub; 2026

Аннотация

Попаданство в средневековье, но попаданец не землянин и не человек.

12 век. Европа. Тёмное средневековье. Туда попадает наш герой. Боец – десантник. Из космоса. На минуточку – не человек. Биоморф. Что станет делать биоморф в плаще рыцаря? Между тем его новая семья страдает от кровной вражды. Кругом эпоха, где человеческая жизнь ничего не стоит. Кем станет человек, который человеком никогда и не был?

Содержание

Глава 1. Послевкусие	5
Глава 2. Рождение/смерть	23
Глава 3. Снорри безнужный	40
Глава 4. Ленивая река	57
Глава 5. Молодая кровь	75
Глава 6. Конкарно	94
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Тимофей Кулабухов

Кайл Соллей

все события романа являются вымышленными,
любые совпадения – случайными.

Глава 1. Послевкусие

- Бой удачный! Что притих, десантник?

Мой командир, сержант второго класса Эта Ха-Ашт был погружен в медкапсулу, откуда торчало только его довольное лицо.

Мой командир умирал.

Четвертая армия комплектуется в основном из биоморфов, конструкторов и кибернизированных разумных. В отличие от «честных» наемников с варварских планет второй армии. Не то чтобы Совет Архонтов Зевенн любил экзотику и разнообразие само по себе, просто в ход шло всё. Всё что способно победить. Нас в войсках именовали «мертвая пехота». Это и положительная оценка и отрицательная и толстый намек, что мы не настоящие.

Говорят, Военный архонт говорил, что война это точный расчёт, потоптанный случайностью и импровизацией.

Плывать. Всё не имеет значения. Есть только черный холм космоса, стремительный бросок и вспышка боя. Если дойдешь до него.

В начале боя четырнадцать штурмовых бортов рванулись сквозь разгневанный от плотного огня космос к вражескому крейсеру Ванне Бахтал. Тринадцать из них были отогнаны или сгорели в огне крейсерской ПВО. Только одна – наша, вцепилась в брюхо гиганта, как злой паразит. Как вирус.

Удача – богиня солдат. Мы ворвались на крейсер. Ревел рвущийся металл, с треском горели переборки, солидными каплями били индукционные мортиры, звенели излучатели, им вторили пульсары дронов. Восхитительная музыка войны. Экипаж тысяча шестьсот кассийцев. Умная техника. Нас - двенадцать под командованием злого азартного Ха-Ашта.

У них не было шансов. У нас тоже.

Мы дрались. Брали пленного, скарабей копировал его в одного из десантников. Точная копия клеточных структур и филигранное копирование сознания. Все доступы, пароли, биометрика, знания и умения украдены за долгие несколько мгновений. Мы буквально превращались в своих врагов, только в десятки раз быстрее и сильнее.

Превращенный десантник брал под управление боевые машины. Саботировал системы корабля. Мы сеяли хаос. Вели бой. Быстро и безжалостно прорывались к паникующему капитанскому мостику. Корабль пылал.

Конечно, это был самоубийственный отвлекающий маневр. Номер два и номер одиннадцать в оригинальной форме главного аварийного техника и офицера охраны проложили себе дорогу по трупам к энергоядру и раскошегарили его, чтобы банально превратить крейсер в небольшую сверхновую звезду.

Два и одиннадцать и сейчас там. До последнего следят за показателями. Они счастливы.

А я нет. Мой командир умирал. Ранен на отходе к бор-

ту. Враг прожѐг живот сержанта насквозь, проделав дыру, сквозь которую можно было увидеть самодовольное лицо сделавшего это по случайности корабельного бойца охранения.

Я – номер четвертый.

Бросил превращать туннели судна в ледяной ад, нещадно манипулирую глобальной системой контроля температуры и давления. Снялся со своей позиции и дотащил сержанта до борта.

А того бойца убил, буквально оторвав его улыбающуюся голову.

Борт уходил, киберпилот отчаянно закладывал рваные виражи, чтобы сбить с толку ПВО, хотя это и не имело особого значения. Мы победили в своей маленькой войне и ждали секунды, чтобы сама вселенная вспыхнула в ярости. Сожгла бы нас как пылинку или закинула сквозь порванное пространство-время куда пожелает.

Мой сержант смел и отважен. Его смелость побеждала страх, топила его как океан пожирает миллионный город. Он побеждал свою природу, смотрел в глаза инстинктам с гневом и гордостью воина. А я - нет. Десантник не знает храбрости, потому что в принципе не испытывает страха, не знает отчаянья и не цепляется за жизнь.

Киберпилот нарушил молчание.

- Справа по курсу, в поврежденном штурмовом борте есть один выживший. Союзник не на ходу. Операция по спасению

невозможна, скоро...

Позади нас исчезло время. Мы ничего не видели и не слышали. Вопреки здравому смыслу взрыв не грохотал. Крики умирающих не резали эфир. Просто наступило *ничего*. Не было больше света и движения. Погасили звезды. Исчез горизонт. Исчезло всё. Прекратилось само понятие «быть». Длилась это небытие бесконечно долго.

Через короткую вечность гигантский пёс смерти выплюнул нас как надоевшую кость.

Вселенная появилась, или точнее, мы появились в ней, в какой-то другой её части.

* * *

- И где это мы? – подал голос Ха-Ашт.

Автоматика молчала. Я подумал, что она сдохла, дальше за рули садиться мне, однако через пару мгновений что-то пискнуло, в зловещей тишине раздался неоправданно бодрый голос киберпилота.

- Командир Ха-Ашт, ваш пилот восстановлен. Местонахождение не определено!

- Расстояние до центра галактики? – не унимался сержант.

- Судя по данным свечения, приблизительно восемь с половиной тысяч парсек.

- Система есть?

- Ближайшая звездная система не опознана. Время в пути - девяносто один стандартный день хода.

- Наливай. Только погрузи меня в коматоз, а то папаша

захворал.

Космос — это долго и скучно. Борт не предназначен для дальних полетов, но умная автоматика восприняла иносказательные команды, послушно рассчитала курс, разогналась и мы полетели как метко пущенная консервная банка. Только на досветовых скоростях. И трясло на разгоне, чуть не развалились.

Долгая черная ночь тишины.

На меня навалилось послевкусие боя. Радость и ярость выходили с каждым тяжким вздохом. Тело гудело. Колотило. Конечности отдавали жаром. Ощущение опустошенности, как будто ныряешь в плотное облако событий, выныриваешь, оказывается, что остался один рядом с умирающим сержантом, среди ритмично тикающих механизмов, в «трубе» борта. И никого рядом нет и меня самого как будто нет. Во рту привкус меди. Просто сижу, смотрю в никуда, и нет ни боли, ни грусти, ни веселья. Выдох.

Командир в аппаратной коме. Медкапсула раз за разом ругается. Она предназначена только для поддержания раненого до настоящей стационарной военной медицины. Поврежденный организм полным ходом разрушался. Прямо в коме тело отключалось и возвращалось.

Борт - тесная бронированная труба с двигателем и прочей начинкой. Внутри - как короткий туннель. Медкапсула в середине. Когда полёт стабилизировался, от скуки свернул ряд кресел и принялся бесцельно бродить туда-сюда. Девятна-

дцать шагов по прямой. Механизмы нудно и ритмично шумят о чем-то своем.

Нашел все плитки пищевого рациона, поделил на девяноста одну порцию. Этого мало, но смерть от голода мне не грозит, разве что от скуки. Тестировал системы борта, было многое сломано, но в ремонте не было смысла. Тоска.

Десантник — это не просто так. Фабричный продукт последнего поколения, созданный в недрах Комбината военных биотехнологий и спецматериалов на Альфа-Эссе. Лучший, из лучшего места. Военное искусственное существо. Биоморф. Молекулярные технологии, все дела. Однако со скукой воевать меня не учили. Киберпилот не разумен и в собеседники не годится.

В итоге я просто молчал. Долго. Очень долго. Весь полет вспоминал своих товарищей, смотрел скучные обучающие и агитационные ролики. Бесцельно бродил. Флот и война остались где-то «там». С каждым корабельными сутками долгой ночи я как будто проваливался вниз, в бесконечную тёмную глубину. Мир ускользал. Оставалась только проклятая медкапсула, которая некстати орала про здоровье почти мертвого сержанта.

Утро после этой бесконечной ночи настало, когда показалась медленно растущая третья планета местной звездной системы, где спектр показывал наличие кислорода и воды в атмосфере, а картинка - материки и океаны. Теоретически тут может быть жизнь, может быть помощь, союзники, ней-

тралы. Планета размытым голубым блином заполняла собой весь фронтальный монитор, но не вызывал никаких эмоций. Хотя всё лучше, чем тьма полета. И одиночество. И скука.

Свой отряд я пережил, никто не спешил меня убить, зато и цели впереди не наблюдается.

- Признаков цивилизации не обнаружено! - жизнерадостный тон киберпилота шёл в разрез с информацией.

- Снижайся к планете, не торопись, - проворчал я в ответ.
- Сержанта не разбуди.

Если бы не кома, Ха-Ашт проснулся бы даже от мертвецкого сна. Хоть борт не жаловался о своем состоянии, бой дался ему тяжело, при посадке трясло так, что глаза выскакивали.

Когда падение замедлилось, киберпилот бодро проорал.
- Высота четыре тысячи!

Заранее продуманными манипуляциями с настройками я вывел командира из комы.

Он приходил в себя медленно и выглядел ужасно. Лицо потемнело, левый глаз был мутным и смотрел куда-то вверх.

- Эй, медицина! - с наигранной бодростью рывкнул сержант. - Плесни в меня стимуляторов, чтоб мозги прочистить.

Я безмолвно ждал. После полета вообще само терпение.
- Под нами гребанная вода, - констатировал Ашт. - Так, там справа какие-то неровности. Ящер-летяга, дуй туда.

Слегка волнистая поверхность под нами развернулась и заскользила. Полет в атмосфере был ровным и ничем не на-

поминал предсмертное падение из космоса. Океан прорезало очертаниями континента. Солнце нестерпимым красным огнем било с горизонта, а я никак не мог сообразить раннее утро тут или наоборот, вечер.

- Признаков цивилизации не обнаружено, как и при сканировании с орбиты, - не унимался киберпилот.

Командир приказал снижаться и выводить наугад на монитор участки суши. Картинки мелькали, менялись. Когда он что-то заметил, то бессвязно, но грозно рыкнул. Дернулся. Если бы конечности его слушались, уверен, он ткнул бы в изображение пальцем.

- Увеличить!

Монитор показал группу особей, которые как-то системно действовали. Может, брачный ритуал или похороны?

- Дерутся! - почему-то ликовал сержант. - Туда! Четвертый, к бою!

- К бою готов! - я отвык от своего голоса и услышал слова быстрее, чем осознал.

Борт беззвучно и плавно скользнул с высоты местных облаков почти до самой земли и призывно распахнул фронтальный люк. Однако, я не спешил.

Сержант прошелся взглядом по монитору и заревел.

- Скарабееееей! Вот та херня на боку лежит, ещё дышит, давай!

- На чьей мы стороне? - успел спросить я.

- Тех, кто в меньшинстве.

Скарабей похож на гигантского жирного жука. Неожиданно бесшумно и ловко он вылетел на крошечных псевдоускорителях, завис на мгновение перед умирающей особью и сел, плотно обхватив то, что, скорее всего, было черепом.

Превращение меня в эту особь из «ипсило», которым я был до этого, объективно было быстрым. Военные ученые много лет бились над ускорением процесса, потому что скорость важна в условиях боя. Скарабей стоил гору кредитов, даже дороже, чем борт со всем содержимым, включая меня. Но дело своё делал. Мои ткани трансформировались, менялся клеточный код, вся-вся биохимия, молекулы бурлили, суетились, вырастал скелет, каждая косточка становилась в размер и своё место, попутно в мой меняющийся мозг океаном хлынула новая личность. Я надевал на себя не только новую плоть, но и новую жизнь, тысячи воспоминаний, даже забытых.

О! У особи есть система звуков для передачи данных - язык. Очаровательно. И имя, собственное имя - Кайл.

Трансформация быстра, но по ощущениям как будто целый день основательно кипятит в чане кислоты. Своё новое имя я принимаю как крюк, протыкающий туловище и милосердно вынимающий из этой кислоты.

Я - Кайл Соллей.

Хотя новая оболочка ещё отдавала болью в каждом движении, а мир ломался на части, я побежал.

- Давай по-честному, без оружия, - проводил в бой сер-

жант.

* * *

Знания окружили меня. На остатках каменного сооружения кружился волчком Айон Соллей, родитель Кайла. Отец. У его ног уже мертвый слуга. Зовут, звали – Саржи или Сарж. Все остальные, ещё семь человек, двое с луками - враги. Один даже повернулся ко мне и что-то метнул. У них это называется «выстрел». Попал, подлец. В грудь воткнулся продолговатый предмет - стрела.

Ощущения накрыли волной. После заточения в тёмной трубе борта на меня разом рухнули свет, дыхание ветра и трава под ногами. Даже боль от ранения, несомненно, опасного для обычной особи, вызвала животный восторг.

Вокруг были болота, туман, чахлые кусты и неожиданно яркая трава, я с радостью ощущал высоту неба, рассветное (теперь это выяснилось точно) солнце и дыхание ленивого ветра.

Кажется, все смотрели на меня. Может быть, потому что я был гол, стоял в полный рост и улыбался? Со стрелой в груди.

Айон, он же отец, был один, значит в драке я на его стороне.

Не переставая улыбаться, слегка наклонился. Согнул ноги и побежал на двоих стрелков. Быстро, навстречу их распахнутым глазам. Один снова выстрелил в меня, но не попал. Я ударил его всем телом, заодно впечатав руку в его голову, от-

чего та неестественно откинулась на сломанной шее. Шесть противников в остатке. Разворот, и удар двумя руками второго стрелка-лучника. Сверху. Сильно. Он упал, и я снова ударил, круша всё, что только можно ломать, превращая его в мешок переломанных костей. Пятеро в остатке. Раньше, чем тот лучник умер, схватил его тушу, поднял над собой и метнул бесформенной тяжелой кучей в воина, что стоял ближе всего к Айону. Просто сбил с ног.

Боковым зрением видел, что мой союзник не мешкая добивает упавшего. Хорошо. Четверо. Добежал до ближайшего воина с кривым топор и щитом. Он зачем-то стукнул ими друг о друга и собрался заорать, когда я схватил его обеими руками куда-то за грудь, за плечи, за грязное тряпье и ударил головой в лицо. Враг был рыжеволосым, лохматым, с выпученными глазами, в которых успело мелькнуть удивление. Ударил снова. Ещё раз. Сильно. Треск костей вражеского черепа. Брызнула кровь. Готов! Стрела, торчащая во вне, в суматохе сломана. Трое в остатке. Вырвав щит из содрогающихся рук, решил использовать этот предмет.

Всего в нескольких шагах стоит, разевая пасть, владелец похожего, но значительно большего топора. Я перехватил щит, как большой убогий диск, и изо всех своих сил *метнул* в него. Мгновение туго рассекаемого воздуха - деревянная окружность щита вложила кинетическую силу в противника, переломила как куклу и отбросила.

Подхватив упавшую с рыжеволосого металлическую за-

щиту головы, то есть шлем, я обнаружил что Айон прытко спустился и, не издавая ни звука, в одиночку теснит сразу двоих оставшихся мечников. Полюбовавшись пару мгновений на рваную пластику движений, явно заученных и многократно отработанных, подскочил сзади и широким взмахом шлема смахнул того мечника, что был ближе. Шлем от удара расплющило. Готов.

Последним Айон занимался сам. Силы не равны, отец быстрее, выше и наверняка сильнее. Его меч описывал длинные дуги, терзая оборону то сверху, то снизу, то сбоку, стремительно изматывая неприятеля. Наконец Айон ловко отклонил меч соперника, незаметным движением проколол врага насквозь и изящным пинком повалил в грязь.

- Кто? – взревел Айон, и без того грозный. Выпучил глаза, клином рассекая воздух перед лицом поверженного. Раненый неожиданно расплакался и весь как-то сжался.

Я бросил искореженный шлем, тот смешно шлепнулся в грязь. Огляделся на этот не то, чтобы бой, а так, мелочи, с чавканьем зашагал к транспорту.

Десантный борт всё так же висел, почти касаясь грунта, выглядел среди болот и чахлых деревьев абсолютно чужеродно. Ступив на неожиданно горячую палубу, я обнаружил командира, который витиевато ругался, пытаясь вылезти из протестующе попискивающей медкапсулы.

- Четвертый, вытащи меня!

- Это не безопасно, ваше тело...

- Заткнись и пошевеливай своей аборигенской жопой! – рявкнул он.

- Так нельзя, – упирался я.

Он нахмурился.

- Возьми и напаяль на меня тактическую броню. Поживее, мне больно.

Я обнял Ха-Ашта, вынул и так, в обнимку, положил прямо на палубу. Кажется, сержант слегка застонал через стиснутые зубы. Достал из ниши бронекастюр. Новые, незнакомые пальцы предательски соскальзывали от грязи и крови, но я справился, пока Ашт пялился в потолок и пыхтел от боли.

Не знаю, чего он от меня хотел, но я велел киберпилоту окончательно сесть на днище, не выпуская шасси, и вынес командира наружу, устроив сидя спиной к борту.

Сержант неторопливо оглядел учиненный мной беспорядок и удовлетворенно причмокнул.

Местный – Айон растерянно сидел над телом уже успевшего умереть оригинала особи, с которой меня скопировал скарабей. Он гладил его за плечо, что-то бормотал и плакал. Это же его сын. В смысле, настоящий. Меня потрянуло, как от удара током. Воспоминания предсказывали неприятные с точки зрения местной морали события.

Оригинальный Кайл предал отца, этого заплаканного здоровяка. Это по подсказке сына враги подослали убийц, тех, чьи трупы теперь украшали болота, но те по какой-то причине принялись убивать всех, начиная с самого Кайла. При-

чем, похоже, что Айон всё это уже знал. От поверженного мечника, который лежал все в той же сжатой позе и уже не дышал. Или ещё как-то. А тут я. Голая точная копия его сына с обломком стрелы. Ситуация. Из раздумья меня вывел командир, который закашлялся так, как будто намеревался выплюнуть свои внутренности. Тело трясло. Упал, мне пришлось усадить его снова.

- Кто этот выживший полудурок, наш союзник, и что он делает? – спросил сержант.

- Это Айон Корентин Соллей. Местный военный руководитель. Вождь. Моему оригиналу он приходится родителем по мужской линии. Ничего не делает. Пребывает в печали.

- Ха!

После возгласа сержант затих. Я подумал, что он умер или потерял сознание, но после долгого молчания повернул свой глаз на меня, второй по-прежнему смотрел вверх.

- Значит так, выходит, мы спасли местного начальничка, а ты в аборигенском теле.

Сержант причмокнул.

- Тащи его сюда. Я говорю, вежливо попроси ко мне и переводи.

Я поднял голову и, переходя на крик, позвал на местном языке.

- Кавалер Айон! Отец! Подойдите сюда, милорд!

Похоже, в этом мире никто никуда не торопился. А к смерти относился драматично. Может не к любой, но Айон

осторожно закрыл глаза умершему сыну, поднялся, отряхнулся, вздохнул и на время застыл в странной позе. Не верилось, что этот же человек только что являл силу, ловкость, точность и огонь в глазах. Он как-то уменьшился, сгорбился и брел к нам, будто был ранен или серьезно болен. Меч в ножнах, но левая рука привычным жестом сжимала рукоять, показывая готовность его достать и применить.

- Я барон Соллей! Кто вы такие и что делаете на моей земле?

Его голос, хоть и усталый, был властен и уверен в себе, что никак не вязалось с разбросанными вокруг трупами.

- Меня зовут Эта Ха-Ашт, рожденный на Калибусе, сержант второго класса отдельной роты «С» одиннадцатого десантного корпуса Светлой Директории Зевенн.

Я переводил, отдуваясь от напряжения, для большинства слов не было аналогов, сержант не собирался давать мне времени на размышления и объяснения, но местный житель похоже понимал мой сбивчивый перевод.

- Мы не прибыли сюда. Не совсем так. Я прилетел сюда умирать. Ранен в бою. Как военнослужащий, вы меня понимаете.

Айон кивнул.

- Вы люди небесной армии, не демоны и не ангелы. И ты умираешь, – потом с большим достоинством вздохнул. – Для моей земли будет честью послужить тебе местом для последнего вздоха.

- Я выражаю уважение вам и рад, что помог в сражении. Айон сжал губы и едва заметно кивнул.

- За это я попрошу...

Сержант замолчал, Айон тоже, а я оглядывал грязные воюющие болота вокруг, которые «отец» помпезно назвал «своей землей». Он определенно имел в виду собственность. То есть он агроном-фермер? *Приобретенная* память подсказывала, что это совсем не так.

Тактическая броня помогла бессильной руке командира подняться и застыть, красноречиво показывая на меня.

Эта картина, как сержант тычет в меня пальцем, я стою, ничего не понимаю, рядом молчаливый Айон Соллей и свежие трупы - навсегда впечаталась в мою память.

- Этот боец. Славный, хотя тупее остальных. Все вместе мы хорошо отыграли последний штурм. Присмотри за ним, Соллей-как-там-тебя.

Перевёл. Айон хмуро кивнул.

Не переставая тыкать в меня пальцем, сержант обратился ко мне.

- Четвертый!

- Я!

- Капля от струя! По параграфу сорок один устава полевой службы я самый старший по званию на чертовой планете в этой сраной системе!

- Так точно!

- Назначаю себя комендантом вонючего мира, названия

которого не знаю. Как комендант принимаю решения об утилизации всего флотского имущества сразу после моей смерти в форме большого плазменного костра.

- Есть!

- Хренеть. Ты не дослушал. Как комендант признаю тебя разумным существом со свободной волей и объявляю демобилизацию. Ты больше не собственность флота. Ты свободен, Четвертый. Разберись в себе, иди куда хочешь и всё такое. Напоследок устроишь мои похороны. Тащи оружие и флягу.

В позе, преисполненной достоинства Айон наблюдал, как я заметался вокруг умирающего. В одной руке сержанта появилась его фляга с чем-то наркотическим и наверняка запрещенным, которую он тут же опрокинул в себя, во второй воцарился абордажный излучатель.

Напоследок командир обжег меня своим взглядом, полным силы, решительности и злобы, отсалютовал фляжкой, допил и гаркнул:

- Десант не сдается!

На последнем звуке голос предательски дрогнул. Но, всё же он уверенно ткнул себя фляжкой по сенсору поддержки жизнедеятельности на броне и уже через мгновение его взгляд погас.

Умер. Кто был правитель и мудрец, кто закрывал собой горизонт, вел в бой, приказывал, требовал и учил, проливал пот и кровь, свою и чужую, сам смеялся и сам шутил. Отно-

сился, как к равным, к подчиненным боевым товарищам, а не тупой боевой биомассе. Умер на чертовой планете, названия которой не знал. Непобежденный, упрямый, и с оружием в руках.

Мой командир умер.

Глава 2. Рождение/смерть

Надолго замер. Мир как-то остановился. Только ветерок беспечно нес болотную вонь и запах каких-то цветов. Чья-то смерть, даже моя, не прекращает жизнь. Ничто не останавливается. И тоть мало лет прожил от момента изготовления и много раз видел смерть, ещё ни разу не организовывал похороны.

С легким шуршанием тело сержанта завалилось набок. В растерянности глянул на Айона. Он не смотрел на меня, задумался о чем-то своем. Возможно, ему было, о чем подумать.

В молчании я шагнул к покойному командиру. Каждый шаг слегка хлюпал и это был единственный звук во вселенной.

Только постояв пару секунд над телом, я заметил, как отчаянно мигает панель тактической брони. Хорошо быть просто автоматикой. Констатируешь факт. Мигаешь до посинения, пока аккумулятор не сядет. И всё. Нет глубоких ощущений. Не кажется, что тебя обманули. Не сжимает пока ещё незнакомое мне горло. Просто мигаешь.

Неудобно подхватив внезапно потяжелевшее тело, отволок его назад в борт. Запустил свертывание медкапсулы. Когда она сложилась, на её месте обнаружилось неведомо откуда – грязь. Не отдавая себе отчета зачем, нашел щетку и

убрал её, а потом вообще вычистил всю палубу. Достал флаг десанта Директории. Точно в середине, по смутно известному обряду, усадил тело. Прямо в броне, почему бы и нет. По канонам положено, чтобы взгляд покойного был обращен к восходящему солнцу. Я устроил лицом к фронтальному люку. Будем считать, что это восток. Тело сержанта казалось меньше и было неподатливым. Укрыл голову и спину флагом. Поколебавшись, положил у ног абордажный излучатель и опустевшую флягу.

Разогнулся, развернулся на месте и очутился нос к носу с Айоном, так что чуть не врезался в него.

Большой нос, несколько раз сломанный и сросшийся почти ровно, тонкий старый шрам на щеке и виске, просвет в брови – тоже от шрама. Мощный подбородок покрыт не то щетиной, не то бородой с заметной долей седины. Серо-голубые глаза, левый чуть прищуривается, смотрят пронзительно и остро. Взгляд бесцеремонно бегал по внутреннему убранству штурмборта, переключился на меня, изучил всего. Наконец Айон взглянул мне в глаза. Как-то, даже вглубь меня.

- У тебя обломок стрелы, – его мощный голос в замкнутом пространстве прозвучал как рёв. Отец указал на торчащее из груди древко.

Я рассеянно кивнул.

- Извлеку? – даже скорее утвердительно и не менее громко предложил он, и, не дожидаясь ответа, взял за деревяшку.

Хватка у него была крепкая как у дрона-ремонтника.

Стрела пошла наружу, обильно выпуская из раны кровь. Было больно, но десантник неплохо терпит боль. Даже когда наконецник своими неровностями (он паскуда оказывается такой формы, что не выходит!) заскрежетал по внутренности ре́бер, я не позволил себе даже поморщиться. Опыт у Айона явно был, он аккуратно развернул стрелу, царапая прямо по ребру, извлёк, заодно слегка надорвав рану. Вышло пару сгустков крови, потом кровотечение уменьшилось.

- Надо зашить. Давно не шил, со времён похода на Алье.

Он развернулся, чтобы уйти, потом внезапно снова обернулся ко мне.

- Что ты намерен делать?

Я открыл, было, рот, чтобы объяснить. Штурмборт слишком дешёв и примитивен. Не имеет собственной системы самоуничтожения, зато на ячейках аккумулятора есть такой простенький импульсник, молоточек, только квантовый, выводит их из равновесия и выпускает голую энергию. Превращает всё в шар плазмы. Температура примерно одиннадцать тысяч единиц. Но это было слишком сложно, почти для всех слов не было аналогов. Простояв с открытым ртом перед бесконечно терпеливым Айоном, я, наконец, ответил, обведя всё рукой.

- Сожгу. Всё сгорит. Корабль сгорит. Большой огонь. Даже пепла не останется. Это будет такой погребальный обряд. Похороню своего командира, как он просил. С почестями.

Айон постоял в полуоборота ко мне, лицо его погрузне-

ло, он закивал, уже не глядя на меня, громыхнул сапогом по палубе, направляясь наружу, ничуть не смутившись конструкцией фронтального люка, как будто тысячу раз пользовался им, вышел прочь.

Поглядывая вслед уходящему, взял медпакет и поднес к ране. Тот деловито обработал рану, тонко затянул её края и закрепил полимерным гелем, потом недовольно помигал, что не может определить биологию пациента и обколоть ткани, отчего рана внутри осталась грязной. Наплевать. Мог бы вообще не лечить, только что шрам был бы больше. Даже воспаления не будет, это не ранение, а смех один. Поранился, напоровшись на сучок. Смеяться только некому.

Оглядевшись, взял из ниши ещё один излучатель, проверил заряд. По полной. Подошел к терминалу киберпилота, отцепил оттуда портативную панель управления. Покрутил, нашел службу запуска самоуничтожения. Так и застыл с панелькой и излучателем, пока в штурмборт не ввалился Айон.

Тяжелые шаги выдавали, что он с ношей. Он нес своего сына, точную копию меня, только, конечно, одетого и совершенно мертвого. Прошел мимо сержанта, чудом не зацепив тело, потом бережно положил оригинального Кайла Фернана Соллей на палубу. Любовно придержал голову. С каким-то шумом и грохотом устроился возле него, кажется, стал на колени, весь согнулся и стал что-то шептать.

Я понял, что он молится, то есть обращается к своему богу и это момент очень личный. Поэтому выбрался из борта и

ещё раз оглядел поле боя.

Пожалуй, бродить голым не соответствовало местным понятиям о прекрасном, тем более сыну местного вождя. Не испытывая терзаний по поводу мародерства, всё равно колебался. Все убитые были облачены в грязные вонючие заношенный лохмотья, которые напоследок испачканы кровью и болотной грязью.

С рыжего носителя топора я снял плащ из грубой, но не сильно грязной ткани и поясной ремень. У лучника позаимствовал просторные штаны. Обувь подошла только от свежееубитого мечника большого роста, да и та была поношенной, тесной и грязной как внутри, так и снаружи. Нюхать её я побоялся, но всё равно надел прямо на голые ноги.

Вид у меня был, наверное, комичный, но, когда из борта показался Айон, его не коснулась даже тень улыбки. Он вопросительно глянул на меня, я показал ему жестом на скопление камней вдалеке как возможное укрытие.

Он отрицательно покачал головой.

- Мы заберем тело Саржа. И повозку.

Только тогда я заметил небольшую аккуратную телегу, наполовину заполненную всяким скарбом. Рядом, неизвестно зачем убитая коренастая лошадка. Сукины дети пробили её копьём, которое так и торчало из бока. Айон и прежний Кайл в сопровождении старины Саржа охотились на болотных свиней, должны были приготовить одну такую вместе с печёными овощами и съесть.

Всё это уже было в моей приобретенной памяти, как и язык, названия, имена, факты и образы. Только нужно время, чтобы обвыкнуться со всем этим.

Мы погрузили слугу в повозку. Он был грузным, таскать труп вообще неудобно, вся спина пропиталась кровью и болотной жижей, но мы бесцеремонно взвалили тело прямо на вещи, где что-то хрустнуло и потащили повозку на безопасное расстояние.

* * *

В первые долгие мгновения ничего не происходило. Хотя времени объяснить Айону не было, он как-то догадался, что надо ожидать чего-то необычного от покинутого штурмборта и неотрывно смотрел в его сторону. Пока я раздумывал, почему панель не сработала и как теперь сломать энергоячейку, но самому при этом не превратиться в поток тепла и света – корпус громко треснул, будто был сделан из бумаги и развалился на две неравные части.

Уже через мгновение я подхватил отца и по возможности аккуратно повалил на землю. Мы не просто так спрятались за камнями. Ударная волна протяжно ухнула, прижала траву, сорвала камни и обломки деревьев, повалила повозку и ударила по ушам. Надеюсь, он не оглохнет.

Через пару секунд мы встали и увидели увеличивающийся светящийся шар кислотного-фиолетового цвета. Даже с такого расстояния он давил жаром, стремительно рос, поглощая все вокруг, но теряя плотность. Радиус не меньше сотни шагов.

Ручаюсь, отец не видел такого никогда в жизни. Никто в этом мире не видел. И не увидит.

Шар сделался ещё больше, застыл на пару мгновений и превратился в столь же фиолетовое пламя, которое тут же потеряло форму и протянулось щупальцами к небу.

Всё это сопровождалось отвратительным треском и гулом. Сгорало всё, что попало в шар. Любого размера, даже само болото. Горела болотная вода и камни. Впрочем, чудовищная температура будет быстро падать, плазма выдала всё что могла.

Мы стояли и смотрели, как замороженные. Минуту, другую и третью, пока мне не надоело, и я не принялся аккуратно поднимать опрокинутую ударной волной повозку и снова грузить в неё тело покойного слуги.

Потом вспомнил про излучатель, снял с предохранителя и на вытянутой вверх руке трижды без всяких слов - бахнул в утреннее небо. Салют Ха-Ашту! Прощай, командир!

Заряженный и исправный излучатель мог бы верой и правдой служить мне ещё долго. Оставить себе? Может быть, удастся придумать, как его заряжать?

Я размахнулся и нечеловеческим броском зашвырнул оружие в центр пожарища, отчего ещё раз, хотя и потише, громынуло. Наверняка я пожалею об этом. Но – последний приказ.

Теперь, когда любой предмет из настоящего современного мира кроме меня самого сгорел, чувство одиночества, ко-

торое до этого стучало в окна и ходило вокруг – вошло в меня как полноправный хозяин, потушило все свечи и развалилось на диване. Несмотря на то, что моё тело может терпеть абсолютный ноль, хоть и недолго, прохлада болот внезапно пробила меня ознобом.

* * *

Никакой дороги, даже тропы – не было. Мы брели и брели, тянули повозку, над головой разгорался день, ушел туман, в больших проплешинах, заполненных водой, отвратительно и самозабвенно орали местные земноводные.

Справа показалась плоскость реки, широкой и медленной. Как мне подсказывала *не своя* память, называлась она - Одд.

Поднявшись на возвышенность посуше, я увидел на горизонте смутные очертания замка.

Он был скорее по ту сторону реки, а по этой в нашу сторону двигалась точка. Человек, пеший или конный.

- Что мне делать? – к моему неудовольствию собственный голос прозвучал несколько жалобно.

- Присядь, – кивнул на поваленное дерево Айон.

Мои человеческие ноги способны буквально без остановки прошагать сотни лье. Но я послушно сел и уставился на отца.

- Кто ты? – он наклонился, пристально взглянул мне в глаза.

- Воин.

Он мягко улыбнулся.

- Как твоё имя?

- Нет. Имени нет. Порядковый номер. Никакого имени, кроме Кайл.

Айон вздохнул.

- Давай с другого конца. Насколько ты похож на Кайла?

Теперь уже я задумался. Не такой простой вопрос и не так легко объяснить, особенно если барона Соллей отделяет от ответа пропасть в миллиард лье. Покопавшись в глубинах *приобретенной* памяти, подыскал объяснение.

- Попробую объяснить. Например, болотники строят дома из глиняного кирпича. Так? Человек тоже состоит из своего рода кирпичей. Крошечных. Только их очень много. Если всю землю Соллей покрыть такими кирпичами - и то будет меньше. Это понятно?

- Нет. Но ты продолжай.

- И вот эти кирпичи у тела прежнего Кайла. И у меня. Они одинаковые. И построены ровно так же. Из того же материала. На каждом кирпичике строит подпись. Всех его предков. Моих предков. Всех, до единого, включая вас, отец. Я кровь от крови Кайл. Да, я не рождался во чреве матери. Ни матери Кайла, ни чьей-либо вообще. Но в каждой крупице себя я несу всю историю всех родов Кайла. Мне так же жарко или холодно, я ем, пью и испражняюсь, знаю и помню всё, что знал он. Настолько я похож. Никто не отличит.

Айон вздохнул.

- Ну, допустим только блаженный или пьяный вас спутает.

Только его нет. А ты есть. Большинство Соллей захоронены в семейном склепе в Старой башне. Кайл – нет. Потому что я не знаю, как объяснить тебя живого и его мертвого. Скажи лучше, что ты умеешь?

- Ну, там, ходить, говорить, драться...

- Нет, нет, – он перебил мою тираду, отгородился руками как стеной и посмотрел в сторону приближающейся точки, которая приобрела очертания далекого всадника.

- Попробуем иначе. Ты умеешь зажигать огонь взглядом? Или превращать воду в яд? В вино? Вороний кал в золото? Может, воскрешать мертвых? Прямо из могил?

- Ничего такого *странного* я не могу.

- А может, чего-то другого странного?

- Ну, могу выдержать давление огромное или высокую температуру или могу идти без усталости недели напролет. Или могу поймать стрелу в полёте. Или птицу. Могу поднять огромный груз. Я намного прочнее Кайла. Меня очень трудно убить, особенно камнями и палками. Необычного? Того, что не могут люди? Могу проникать в чужое сознание, чтобы быстро узнать что-то без слов и лжи. Называется – *допрос*. *Лечить* могу, но не особо сильно, простая передача жизненных сил. Память у меня хорошая и зрение. И слух. Другое чувств...

Айон нахмурился и отмахнулся.

- У тебя могут быть дети?

Его взгляд перестал быть добрым. На меня смотрел гроз-

ный и сильный властитель, барон Соллей Железная Рука. Иголки взгляда ловили мельчайшее движение. А я - растерялся от неожиданного вопроса.

- А прежний Кайл мог?

Айон утвердительно кивнул и ещё больше нахмурился.

- Тогда я тоже могу.

- А твои дети, они будут мне внуками?

- Ну конечно, никакой разницы. Может только чуть здоровее, чем у прежнего Кайла.

Он вздохнул и уставился в стороны замка.

- За внуков я тебе могу многое простить. Ты не обижайся, чужак, но ты подмениш. Подмениш. У нас такое есть в сказках. Но в сказках всё плохо заканчивается.

- А в жизни?

- Ещё хуже.

- Человек! Айон! – мой голос снова дрогнул, – я не просил обо всём этом. Мне оно не надо. Не нужна чужая жизнь. Я не враг Кайла или кого-то здесь. Я здесь случайно.

Я развернулся и начал поворачиваться и вставать, но он мягко удержал меня.

- Кайл мертв. Ты нет. Хочешь уйти?

- Не знаю.

- А я знаю. Оставайся.

Он замолчал. Всадник был уже отчетливо виден.

- Согласен?

Подражая его манере, молча кивнул.

- Тогда скажи, вот среди прочих твоих могучих умений, сможешь ли ты простоять на коленях без движения в церкви три дня? Не став в итоге калекой?

- Могу, только какой в этом смысл?

* * *

Какой, твою мать, смысл?!

Да, я учусь ругаться по-местному. Пока что с самим собой.

Мы бросили повозку с трупом на того конного воина, звали его Гюнтер.

Когда доковыляли по земляному валу до замка, мост был опущен, а ворота застенчиво приоткрыты. Внутри нас ждала толпа грязных вонючих оборванцев, вооруженных камнями, палками и убогими кусками железа. То есть - вооруженный гарнизон воинов – эспье, отряд замка и барона. Их положение называть в честь длинной заостренной палки – рыцарское копье, такая примитивная тактическая единица, действующая под рукой хозяина земли. И все с большущими испуганными глазами. Молчат, смотрят на нас.

На внутренней стене, разделявшей двор замка, сравнительно далеко, несколько столь же нелепо одетых женщин, причем тоже вооруженных.

Отец не заставил их ждать, войдя и грозно сверкнув глазами, громогласно (вот это голос, слышно даже на стене, а те, кто рядом, вообще частично оглохли) рассказал длинную, папахивающую идиотизмом историю.

То есть вначале, всё было сравнительно честно. Он с сыном (со мной) и толстяком Саржем охотился на болотных свиней. Слуга кашеварил, отец воспитательно вещал, я вел себя как дегенерат. Обычный день. Внезапно налетели бандиты, вооруженные до зубов здоровяки – наемники, которых было неожиданно – тринадцать рыл.

Зачем врать про количество я не знал, но моя задача была стоять молча и делать страдальческое лицо.

Так вот. Разбойники убили Саржа, смертельно ранили меня в грудь копьем. Про лошадку отец забыл упомянуть, хотя я даже вспомнил, что её звали Черёмушка. Тем временем барон Айон Корентин Соллей стоит один, с обнаженным мечом над умирающим мной, окруженный врагами, непременно хохочущими, и взывает всем сердцем своим к Господу, хотя исход уже предрешен.

Трагическая пауза, я не подозревал, что отец такой здоровский рассказчик.

В этот драматический момент в сопровождении легких нот трубной музыки с небес неторопливо, но в то же время быстро, спускается архангел Рафаэль. Само собой, со здоровенным фиолетового свечения мечом (это отец взял не иначе чем из цвета плазмы, очень она произвела на него впечатление). И давай это местное божество носиться на своих крыльях, поднимая вихри, и рубить злодеев на части. Всех победил. Ну, троих убил Айон. А потом барон встал на одно колено над умирающим мной. Да, я всё это время истекал

кровью и неистово молился. Рафаэль сорвал с умирающего меня одежды, возложил на рану свою пятерню и исцелил. На этих словах был продемонстрирован мой шрам, по местным меркам – почти заживший.

Отец всем сердцем благодарил божество, обещая вести праведную жизнь и всю дорогу хвалить Господа.

Архангел, чей голос оказался чист как горный ручей, звонок как пение молодой девицы, но властен как у полководца при дележе добычи – благословил весь баронский род, земли, людей и оружие на всю прошлое и будущее. Обещал, что все благочестивые Соллей непременно попадут в рай.

После просил уходить прочь, ибо праведный гнев его сожжет все вокруг. Уходя, Айон видел краем взгляда божественное испепеляющее пламя, конечно же, фиолетовое, но не оглядывался, потому что не знал, дозволено ли это.

После затянувшейся паузы, скорее всего отец не знал, как закончить рассказ, старший слуга - мажордом Оливер, зычно проорал, - Славься великий барон и дом его! Славься Всеотец! Враг разбит, а мы осенены божьей благодатью! Урааааа!

Молчавшая до этого толпа разом загомонила, у кого-то блеснули слезы. Напряжение спало, многие потянулись к Айону чтобы поцеловать его руку. Чувствовалось, что он это дело не любил, руки не давал, велел звать баронессу Коринн. Оливер раздавал команды, организуя вместо битвы с неизвестной угрозой – застолье. Идея явно воодушевляла.

А я получил от отца тайный знак – он ткнул меня локтем

в бок, и поплелся в сторону местного религиозного здания – капеллы. В общей суматохе никто не обратил на это внимание.

Там я и провел уже три ночи. В одном позе. Делая грустное лицо, изображая молитвы. Слева от алтаря, если смотреть от входа, на коленях, руки вдоль тела, лицо повернуто вверх. Три ночи. Чтобы с пользой провести время, копался в воспоминаниях Кайла, плавая там, как рыба в потемках водорослей.

Некоторые воспоминания были яркими, я проживал их по несколько раз. Образ родных был изменчивым, молодость и старость перемешивались. В клубах памяти я бродил по замку и землям вокруг.

Вообще кругозор прежнего Кайла был мал, он ничем не интересовался и ничего не знал. Воспоминания выдавали много эпизодов мелких издевательств над слугами, ябедничества и пакостей. Каменная крошка в похлебке конюха, украденное у капеллана вино, повариха, облитая помоями со стены, запертый в нужнике воин-эспье. Можно уверенно сказать, что Кайл был говнюк. Такой шестнадцатилетний высокородный говнюк.

Ещё одно ругательство.

Отверг идею пытаться повторять его поведение. Ничего не выйдет. Потом – я есть я. Сержант велел быть свободным. Само по себе парадоксально - приказ быть свободным. Попробую. Знать бы ещё, что такое свобода.

Крики и шум где-то далеко привлекли внимание. Ночь из капеллы почти ушла, её тени прятались по углам, через окошки лез нахальный новый день. И в этом дне царствовал хаос.

Вчера вечером старый капеллан Херв, кряхтя и подволакивая ногу, ушел. Но оставил бедного мальчишку, церковного служку - стеречь, не спать, смотреть за мной. Что со мной могло произойти? Бедолага был совсем молод, лет пяти-шести. Какой-то дальний родственник старика-капеллана, присланный или вернее сосланный на попечение церковнику чтобы избавиться от лишнего рта. Маленький, испуганный, молчаливый и с огромными глазами он вызывал сострадание, что никак не сочеталось с его суровым наставником, который даже настоящим священником не был, а бывшим воином отряда барона, а его сан куплен за несколько баранов и новый дубовый стол для местного монастыря.

Мальчишка поставил возле алтаря большой стул. Сел на него, потом подогнул грязные ноги подальше от холодного каменного пола. Ухитрился свернуться костлявым калачиком и уснуть, держась за спинку стула.

За эти три дня поглазеть на меня приходили, наверное, все обитатели замка. Даже не по разу. Рано или поздно им надоедало, потому что ничего не происходило, я просто стоял на коленях чуть в стороне от алтаря, на мужской «правой», от алтаря, половине. Капеллан озадаченно следил за мной. Не удивительно, ведь именно к нему приставали с

расспросами. Надо отдать ему должное, на некоторых прихожан он просто нечленораздельно рычал, другим хорошо поставленным голосом цитировал священное писание в каких-то многозначительных фразах. Вопросавшие разочарованно кивали, соглашались и убирались прочь. Но даже ночью, когда меня гарантированно никто не видел, так и не менял позы, хотя тело уже одеревенело.

Я медленно встал, опираясь правой рукой о пол. Колени хрустнули. Потянулся, разминаясь, зашуршал разбойничьим плащом, отчего разбудил церковного служку. Тот проснулся, выпучил глаза и пискнул. Стул под ним покачнулся, мальчишка легко спрыгнул с него, чуть не упал и стал бочком-бочком пятиться к двери возле алтаря, пока не выскользнул в неё.

Больше в капелле никого не было.

Медленно побрел к выходу, толкнул скрипучую створку, вышел на свет и с удовольствием вдохнул утренний воздух. С крепостной стены на меня недовольно взирала черная ворона.

Двор замка, неправильной формы и вытянутый, был разделен на верхний, чистый двор и нижний – грязный. Церковь была в чистом. Шум происходил в грязном дворе.

Пошевелив сухим языком и откашлявшись, я спросил сидевшую на стене ворону:

- Пора ли новорожденному Кайлу выйти на свет?

Птица не удостоила меня ответом.

Глава 3. Снорри безнужный

- Что происходит?

Замок это вроде как дом. Жилище. В этом доме, вернее на его грязном нижнем дворе я взирал на толпу людей, окруживших виселицу. Виселицу. Это кривоватое грубое П-образное сооружение из рассохшегося дерева для казни людей, для повешения – не было новым. То есть оно стоит тут постоянно? И эта конструкция сейчас не пустовала. Окруженный возбужденными жильцами замка на ней корчился, извиваясь на веревке, какой-то паренёк. Руками он держался за петлю, что не спасало от удушения.

- Что тут происходит? – так же тихо и хрипло повторил я, стоя за спиной толпы. Как и в первый раз, народ гомонил, никто не обратил на меня внимание.

Двор когда-то был устлан камнем. Булыжниками. Сейчас они в основном перемешаны с грязью и органическими отходами, что создает своеобразный аромат для всего замка.

Так. Народу немного. Правая опора конструкции для казни открыта моему взгляду. Я ковырнул здоровенный булыжник и взвесил в руке. Большой. Размахнулся и *нечеловеческим* броском *метнул* в открытую опору. Камень смешно расшвырял грязь в полете и ухнул, разломил опору виселицы. Сооружение скрежетнуло, завалилось, и под общий «оооох» рухнуло в грязь вместе со своей жертвой. Только

тогда головы зрителей повернулись ко мне.

- Что, мать вашу, тут происходит? – на этот раз меня услышали.

Не дождавшись ответа, пошатываясь от усталости, недвольный, я прошел к недоказнённому, бесцеремонно распахивая тех, кто оказывался на пути. Тот вяло барахтался, хватал ртом воздух, взгляд бесцельно бегал. Я с силой просунул пальцы под петлю, раздвинул и стянул её.

Парень, грязные волосы которого, вероятно, природой задуманы нежно-желтыми, вращал глазами и дышал часто-часто, не выпуская из рук висельной петли.

- Кто ты и почему эти люди казнят тебя?

Не знаю, слышал ли он меня и понимал, но ответить явно был не в состоянии. Его выгнуло дугой и вырвало прямо на сломанную виселицу.

- Ты!

Я ткнул пальцем наугад в ближайшего слугу. Он сделался бледным как мел, а остальные шарахнулись от него как от чумного.

- Принеси воды. Много. Чистой.

За миг до того, как убежал, на его лице мелькнуло облегчение.

- Как его звать? – я повысил голос и стал водить нахмуренным взглядом, пока не наткнулся на мажордома Оливера Рэда.

Тот вытянулся и бодро рявкнул:

- Не знаю, милорд! Но ублюдка - чужака привели они! – и указал пальцем в толпу, которая спешно расступилась, показав трех крестьян: широкоплечего мужичка с черной бородой, тётку с выпученными, немного раскосыми глазами и скособоченного дедка, опирающегося на посох. Все трое несинхронно бухнулись на колени прямо в дворовую грязь. Впрочем, их одежда была насколько нечистой, что это не имело особого значения.

Заговорил дед, протяжно вытягивая слова.

– Мой барон! Этот ублюдок украл у вдовы Гвенаел козу. И съел. Точнее, пытался разделать, чтобы приготовить и съесть, когда мы поймали его. Чужак, бродяга, вор, ублюдок. Простите, сир, мы не должны были избивать его, стоило заставить пожениться на вдове, она знает, совсем одинока, с тех пор как Матиас утонул пьяным в реке на праздник святого Ионы...

- Так, довольно, голова кругом.

Слуга прибежал с целым ведром воды, при этом улыбался словно я только что спас его от смерти. Не знаю, запрещено ли по этикету сыну барона пить воду прямо из ведра, стоя по щиколотку в нечистотах, но я мощно отхлебнул, потом окатил парнишку и всучил ему в руки ведро с остатками воды, чтобы он тоже попил. Не уверен, что, когда тебя казнят, хочется воды, но меня после трех дней стояния в местной церкви определенно иссушило.

- Украл козу. Хотел съесть. А почему вы решили, что он

обязательно ублюдок? Родословную изучили? Даже ведь не спросили, как его зовут...

- Снорре, – голос козокрада был сиплый, глухой и в обычных обстоятельствах, низкий. Сказав имя, он умолк.

- Снорре? Судя по внешности и имени – норд, норманн. Простите, что отвлек всех от увлекательного занятия. У меня тут недавно умер слуга. Убит. Все помнят доброго толстяка Саржа? Вчера похоронили? Теперь должность слуги свободна. Конечно, его гибель не лучшая рекомендация вакансии, но мне кажется, что Снорре смерти не боится. Уже. Так вот. Предлагаю тебе, похитителю коз и сердец одиноких крестьянских вдов, быть при мне слугой и компаньоном. С мечом и щитом. Согласен?

Вместо ответа молодой парень протянул мне дрожащую руку, чтобы опереться и подняться на ноги. Я подал её. Когда он встал, то неловко поклонился. Чувствовалось, что кланяться не умел.

Пока я раздумывал, как завершить это мероприятие, Оливер Рэд вышел вперед и снова показал, что не зря носит мажордомов знак на груди.

- Ты согласен? Скажи, - я готов.

Снорре просипел, что «так тому и быть».

Мажордом повернулся к крестьянам.

- Вы правильно поступили, обратившись за правосудием к дому барона! Та коза зачтется вдове в осенний побор – ренту. Благодарите кавалера Кайла!

Крестьяне загомонили, явно довольные разворотом событий, а также тем, что их не накажут.

Оливер продолжил, глядя на Снорре.

– Ты! Казни не будет. Теперь твоя жизнь принадлежит хозяину. Становись перед милордом на одно колено и приноси клятву фуа, слова сейчас подскажу.

Вот так, прямо на грязном дворе замка, рядом с обломками виселицы, Снорре, или как его часто называли – Снорри, держась двумя своими костлявыми руками за мою правую, по одному слову повторял:

- Я клянусь в верности. Клянусь быть преданным с этого мгновения роду баронов Соллей и хранить перед всеми и полностью свое почтение, по совести и без обмана. И пусть накажут меня люди и Господь, если нарушу эту клятву.

Реальность происходящего накатывала, как волны, с каждым ленивым порывом ветра.

Когда всё окончилось, я поблагодарил Оливера, а он смотрел на меня странным взглядом глубоких черных глаз.

* * *

Еда была холодной, простой и сытной, но показалась безумно вкусной. Вчерашняя похлебка с каким-то вареным зерном и крупными кусками баранины, вместе с постными лепешками. Деревянная ложка с упоением скребла по глиняной миске. Если подумать, я ел местную пищу впервые. И это после девяносто одних суток полета и трех дней (ха-ха, всего три, мгновение по сравнению с вечностью полета)

стояния на полу местной церкви. Колени всё ещё болят.

Рядом осторожно, чтобы не наброситься на пищу, разбухшими от побоев губами, ел Снорре.

Мы были в «людской столовой зале» и я понимал, что баронская семья питается совершенно отдельно, на втором этаже донжона, при открытых на реку окнах, из медной посуды и при определенном церемониале. Но - хотелось жрать.

Кухарка Кларен налила нам холодного кислого вина в глиняные кружки. Я пил немного, действие местного пьянящего вещества было мне пока не знакомо, а норд налегал вовсю.

Мы оба молчали и, наверное, представляли странное зрелище, особенно с учетом моего разбойного плаща на голое тело. Оливер привел нас сюда, распорядился накормить, прогнал зевак и не остался сам, так что кроме кухарки с уставшими глазами, нам составлял компанию только бардак по углам и жирный паук в полутьме потолка.

Пока ели, мысленно провел аналогию с флотом. Вероятно, я – офицер. Отец старше меня по званию. Так. Оливер по всему виду – младше, допустим мастер-старшина. Вон он как всех гоняет. Хотя в замке бардак, его слушаются, а он слушается меня, хоть и старше по возрасту. Жители замка рядовые, или около того, потому что они не совсем гражданское население. Ну, может кроме кухарки и старых слуг. А замок выходит вроде военной части? Да ну, бред. Не может звание присваиваться при рождении и вообще плясать по наследству, а военная часть быть одновременно жилым

домом. Фу. Кажется, на меня действует алкоголь.

Я встал и громогласно поблагодарил Кларен. Она вздрогнула, посмотрела испуганно, встала со стула, на котором сидела, сложив в кучку свои натруженные морщинистые руки и зачем-то поклонилась мне в пояс.

Смущенный, я поблагодарил ещё раз и стал вытаскивать из-за стола слегка нетрезвого Снорре.

Людская столовая зала выходила прямо на нижний двор. Оттуда мы направились к воротам, тем более что они были приветливо распахнуты. Норд не понимал, куда мы идем и был недоволен прекращением трапезы.

- Хватит жрать! С голодухи нельзя сильно налегать, придержишься, – поучал я его совершенно небаронскими выражениями, потом напрягся, чтобы вспомнить, как зовут мужика на выходе из замка, который вместо караула ремонтировал какую-то телегу. Или делал вид, потому что заметил меня.

- Здравствуй, Клоде. Оторвись, будь любезен, от работы и найди кого-то, кто организует мне и Снорре одежду поприличнее, а мы пока немного прогуляемся.

Воин вздрогнул, когда я поздоровался с ним, но с достоинством выслушал и учтиво поклонился. Когда же мимо него проходил Снорре, заулыбался, хлопнул его по плечу и поприветствовал.

- Добро пожаловать в отряд эспье барона Соллей, Снорри
- Висельник.

Снорре не ответил, но когда мы вышли за ворота на земляной вал, служивший дорогой, пробурчал себе под нос:

- А этот хер помогал правильно скручивать висельную петлю, на которой меня потом вздернули. А теперь вишь, приветствует меня. И кличку уже придумали, попёрдыши. Пёсья кровь.

Я усмехнулся и повел его к месту, которое знал только по памяти.

Аборигены не уважают гигиену или вовсе не знают о её существовании. Моются редко. Там, в начале вала, рассекающего мелководье, была тихая чистая заводь, речной песок, крошечный пляж и несколько крупных плоских камней, где иногда купались замковые мальчишки. Плескался в своем детстве и маленький Кайл. Надо теперь и нам смыть грязь, тем более что одного недавно вешали, а другой последний раз мылся в другой части галактики. Заодно протрезвеем.

Моя идея Снорре не понравилась, он посмотрел на воду как старая дева на дохлую крысу, горестно вздохнул, но вслед за мной скинул свои лохмотья и недовольно полез в воду. Зато в отличие от меня, похоже, умел плавать как рыба. Надо запомнить, чтобы и меня научил.

Искупавшись, я по примеру Снорре потерялся песком. Смыл. Страшно подумать, что этот минеральный скраб - единственное средство для чистоты кожи. Надеюсь, хоть что-то ещё найдется. Потом мы лежали на песке и грелись под полуденным солнцем.

Пока я молча размышлял о необходимости питания, сна и гигиены, молчавший как пень Снорре заговорил.

- Почему вы меня не расспрашиваете?

- О чем?

- Ну, там, кто я, откуда, всё такое.

- Захочешь, сам расскажешь, – отмахнулся я.

Норманн засопел.

- Я из Бурнёфа. Это на юге. Мой отец норд, а мать родом из фламандцев. Батя бросил нас и сбежал в морские разбойники. Мечтаю найти его. Поэтому тут, где полно северян.

- И прочего сброда, – закончил я за него. - Только пираты в последний раз наведывались на эти берега задолго до моего рождения.

- Все равно я норд, северянин и здесь их много.

Я перевернулся на живот и поглядел на него. Полуголого, со следами побоев, худого и жалкого и, тем не менее, с какой-то идеей в грязной башке.

- Что такое свобода, норд?

Он промолчал.

- Вот ты поглядываешь на заросли камыша за валом. Небось, хочешь сбежать. Это для тебя свобода? Полусырая сожранная коза? А я тебя не держу. Дело даже не в клятве, хотя мне показалось, что ты был искренен.

Снорре молча скривился, вроде бы с чем-то соглашаясь.

- Вот что. Не надо быть звездочётом, чтобы понять, куда что движется. Допустим, ты сбежишь, я за тобой даже не по-

гонюсь. И люд мой не погонится, я сокру что послал тебя за какой-нибудь потребностью. И вот. Ты будешь дальше бродить и рано или поздно тебя повесят за кражи. Или руку отрубят. А кому ты нужен без руки? Или хуже. Не силен в морских разбойниках, но даже если на нашем берегу набредешь на таких, с чего ты взял что они тебя возьмут в команду, а не в рабы и не продадут за два мешка сушеной рыбы? Чего молчишь, нос повесил?

Кажется, он всхлипнул.

- Больше скажу, Снорре – Искатель. На свою жопу приключений искатель. Ты никому на всем белом свете не нужен.

Вот я урод. Он уже рыдал. Я взял его за лицо и повернул к себе. Кажется, наставник из меня не очень.

- Не ной. Я тоже нахрен никому не нужен. Правда меня и не вешают. Ну, смотри. Только успокойся, ладно. Смотри. Что случится с тобой там, за камышами, понятно. Но и здесь я тебе спокойной жизни не обещаю. Тут убийцы бродят и всё такое. Скорее всего, ты при любом выборе помрёшь молодым. Но со мной будешь при деле, сытый и с оружием в руках. Я слышал, для нордов это важно.

Постепенно он успокоился. И вроде решил для себя, что останется со мной. Знать бы, что я сам буду делать.

Одежду прямо на пляж нам принес Оливер. Возникало ощущение, что если в замке что-то делалось, то только им или под его руководством.

Принято стыдиться своей наготы, но я ещё стеснительно-
стью не оброс.

Оливер Рэд. Выше остальных слуг, необыкновенно крепкий, с сильными руками, слегка пополневший от возраста, с широкими щеками, украшенными старыми и не очень шрамами, один из которых, двойной, начинался сразу возле широкого рта. Полные губы недовольно поджаты, широко поставленные голубые глаза злы и смотрят остро и недовольно. Так смотрят, пожалуй, только черные глаза или те, у кого сама душа черней сажи. Его кожа с годами задубела, стала темной, а черные волосы перемешаны сединой. Оливер был старым отцовским солдатом, который вырос, повзрослел и постарел вместе с отцом и под его командованием, в детстве его спутник - саттель, вместе в молодости они ходили в военные походы и не раз спасали друг другу жизнь.

Принято стыдиться своей наготы, но я ещё стеснительно-
стью не оброс. По возрасту я был ему как сын, которого у него не было, и мою голую задницу он, вероятно, видел ещё с детских засранных пеленок, так что, не стесняясь его и даже скорее под строгим взглядом, оделся и подпоясался.

В это же время он облачил Снорре в чистую, с чужого плеча одежду, недовольно крикнул, что она оказалась мала, и выдал ему какой-то ржавый топор.

- Так. Благодарю за оружие. Это традиция. Не криви морду. Сам поточишь, и помажешь маслом. Вот тебе ремень. Запомни – ты сателлит, саттель, телохранитель господина Кай-

ла. Если он погибнет, мы с тебя шкуру спустим и будем горячей морской водой поливать в процессе. Так что лучше сразу гибели вместе с ним. Даже если он случайно пьяный с лошади упадет, ты уже должен его ловить и на соломку класть. Твоя задача защищать его ценой своей никчемной дерьмовой жизни. За это тебе положена койка, попозже покажу, жрачка, кров и оружие. Для начала этот старенький топор. Не криви морду, я сказал. Зато он всамделишный нордский. Вам господин Кайл меч в ножнах из запасов, взамен утерянного. Надобно будет отковать или купить новый. Без меча не положено.

Возникло большое желание спросить Оливера, чем нам дальше заняться, но я сдержался. Только осведомился о том, где отец.

- Барон отбыл верхом с запасной лошастью и эспье Жаком. Куда – не сказал. Должен уже вернуться. Велел держать ухо востро.

* * *

Мы со Снорре брели по слабой петляющей тропе вверх, на холм. Люди сюда явно не ходят, просто незачем, тропинка проложена какими-нибудь лисицами.

Норд шел безмолвно и безропотно, чуть задыхаясь. Меня беспокоило его здоровье. Молодой парень, ровесник, а пыхтит.

Поднявшись наверх, я не обнаружил вытоптанной поляны, нет камня или пня, чтобы присесть, так что пришлось

увалиться прямо на траву.

Солнце было почти в зените и немилосердно жгло, зато легкомысленный западный ветер наоборот - бодрил. Снорре, уяснив для себя, что дальше мы пока не идем, извлек свежеприобретенный топор и принялся его придирчиво разглядывать, а потом и вовсе махать, по одной ему ведомой методике, отчего выглядел ещё более по-идиотски.

Как абсолютная копия живого существа я испытывал точно такие же эмоции, как и прежний Кайл и примерно мог знать, что имеют ввиду и чувствуют другие. Но никогда не был уверен в этом до конца, даже если речь шла о моем саттеле.

Начал с осмотра замка. Холм примерно в трех тысячах шагов. Местная единица измерения лье – считалась десятью тысячами коротких шагов, так что крепость-дом, считай, близко и видна как на ладони.

Основание замка напоминало гигантский кривой след от местного сапога, повернутый своим носком под небольшим уклоном к берегу, от которого из грязи и камней отсыпан узкий вал - дорога. Идея проста, как топор моего Снорре – враг может подойти к замку только по валу, пока в него бьют лететь стрелы, камни и площадная брань. По-другому ни пройти, ни проплыть, если, конечно, реку не скует льдом. А со льдом тут что-то не так, он тонкий зимой или тает. Местные верят, что это тут древнее колдовство, подземные кузни каких-то там карликов-двергов. Короче, на дне слабенькие

теплые ключи. Этим островок и привлек создателей первой крепости.

Территория замка, как и след сапога, разделена на две части «средней» стеной, где дальняя часть - кривой каблук был «чистым» двором. На чистом дворе высился уродливый и асимметричный донжон – большое отдельное строение, одновременно дом хозяина и крепость внутри крепости. Соллей жили там. Даже если враг возьмет первую стену, ему придется брать штурмом вторую с чистым двором. А тут все закроются в донжоне, явно рассчитанном на осаду и оборону. И ты ещё попробуй его захвати.

Замок перестраивался много раз, слои стен наползали друг на друга, видны были разные типы каменной кладки, неодинаковые пропорции и кривизна линий. Он был плодом трудов многих поколений. Каждое оставляло свой след в камне, нисколько не заботясь об эстетике, а только о грубом практическом применении, тем более что как военный объект, он наверняка время от времени воевал.

Покончив с замком и поглядывая на уже уставшего от рукомашества саттеля, я переключился на своё оружие.

Меч. Здоровый длинный кусок железа или вроде того. Ручка из дерева, обмотана грязной тканью для амортизации удара. Можно держать двумя руками. Размер – примерно в половину моего роста. Заостренный к кончику, по оси идет что-то вроде углубления – импровизированное ребро жесткости. Может резать, колоть и рубить. Можно просто сильно

ударить. Например - рукоятью. Убьет, только если буквально проколоть или сильно порезать живого человека. Выходит, местное военное искусство предполагает примитивный физический контакт. Ну а что я хотел? Пилот же четко сказал – следов цивилизации нет.

Мое оружие при осмотре имело явственные следы ударов молота. То есть просто взяли большую полоску раскаленного железа и лупили по ней что было сил, пока она не приняла нужный внешний вид. Почему нельзя было взять керамическую форму, разогреть и тупо отлить туда кипящий металл? Наверное, причины есть. Надо будет разобраться с этой передовой местной технологией. Кстати, про слово «местный».

Я расспросил Снорре про то, считает ли он себя местным, на что он ответил, что его родина далеко, может даже сто лье. Ну да, ну да, норманн. Я-то чуть дальше «родился». Второй вопрос о том, сколько же нужно прожить, чтобы считать себя местным, поставил его в тупик. Судя по мычанию, какой-то условный порог ассимиляции все же был. И на том спасибо.

Встав в полный рост, я рассматривал владения Соллей. По-видимому, это всё, куда падал взгляд. Болота, холмы, деревенька в низине, ещё крошечные селения за холмами, в болотах и ещё на побережье с дюжину рыбацких домов (остальные зовут тех рыбаками). На границе владений есть тракт, на нем как положено – трактир, хозяин которого платит отцу небольшой побор. Река, холмы, луга, снова холмы, болота воняют, река, море отсюда не видно. А, нет, немного видно.

Ну что, меч есть, комары мной не брезгают, компаньон, который ковыряется в зубах и не удивляется моему поведению, тоже в наличии. Что ж делать теперь?

Ответ пришел от того самого саттеля, который подозрительно сильно закашлялся. Последний, кто так кашлял, был сержант на пороге своей смерти.

- А ну-ка иди сюда, – я постарался придать голосу строгости.

Снорре безропотно подошёл.

- Так. Руки вдоль тела. Пасть открой. Закрой, воняет от зубов. Подыши. Не пищи, вижу, что больно. Терпи. Посмотри вверх. Не так высоко, вон на тучу посмотри.

Пока что я не был силен в аборигенской медицине, но даже поверхностный осмотр показал сотрясение мозга, горло – сплошной синяк, лицо разбито, трахея не поломана, но помята, одно ребро сломано, живот плотный, органы явно повреждены, вывихи плечевых суставов. Поражаюсь сколько сил и здоровья у людей. Разумное существо без стимуляторов уже бы умерло, а этот стоит, в ухе чешет. Наверное, там тоже ушиб.

Я вздохнул. Всё ясно.

- Снорре - кузнец своего счастья!

Норд встревожено поглядел на меня.

- Почто вы мне новые непонятные клички придумываете?

- Не важно. Важно, что ты мне нужен живым и здоровым.

Так что стой ровно и не бзди.

- А? – начал было он, когда я аккуратно, но сильно взялся за его шею обеими руками и начал его *лечить*, то есть вливать понемногу свою жизненную силу, одновременно выводя из крови токсины и продукты распада. Лечение – одна из трех встроенных в меня «функций», то, что отец называл способность к странному. Две другие – *допрос* и *связь*, причем для связи мне необходим был другой *десантник* или *свой военный*, которых на планете не было, так что про свою *передатчик* мне пора начать забывать, как и о том, что я не местный.

Снорре скривился и вцепился в мои руки, как клещ, но я не отпускал. Лечение требует некоторого времени. Наверное, с учетом истории про архангела, надо было молитву какую прочесть, чтоб как-то успокоить паренька.

- Фу-у-у-у, – со вздохом выпустил своего свежеиспеченного саттеля, снова повалился на траву. Солнце уже не казалось жарким. Лечение отняло кучу сил.

- Сейчас отдышимся и потащишь меня в замок. Теперь мне нужен отдых. Завтра к капеллану зайдем, надо пару молитв выучить, а то - как дурак безграмотный.

Глава 4. Ленивая река

За окном ночь. За окном река Одд. Блестит в свете неполной луны.

Надо отдать должное Снорре. Он приволок меня в замок. Пыхтел, но тащил, принимая часть моего веса, заложив мою руку себе на шею. Вместе мы нашли мою комнату. Все время на виду я держался, не выдавая, как мне плохо. Какую слабость ощущаю. На обратном пути его поймала матушка и обстоятельно отругала, а он что-то виновато гундел, потом кое-как ускользнул.

За это время *своими* глазами осмотрел комнату. Небольшой каменный прямоугольник, два узких окна, неказистая деревянная кровать, открытый шкаф полный одежды и поставленные друг на друга сундуки. На стене узкий полированный кусок металла, который должен работать как зеркало, но чудовищно потускнел от времени. Откровенно говоря, по сравнению с боксом расположения десантного отделения, где на каждого приходится столько места, чтобы упасть и отжаться, плюс один туалет на всех – моя комната шикарна. Серая, маленькая, потасканная, выдавшая не одно поколение Соллей. Шикарная.

До моего слуха донеслись раскатистые шаги на лестнице. Шаги матери, которая поднимается в комнату сына. Уверенные и неотвратимые.

И я проделал то, что показалось самым логичным – скинул одежду, упал на кровать, наспех укрылся и изобразил спящего Кайла.

Мама постучалась для приличия, хотя в своем доме она явно входила, куда считала нужным. Дверь открылась, в звенящей тишине медленно проделала полный мах и зловеще стукнула деревянной ручкой в стену, как, наверное, проделывала тысячу раз. Стук разнесся по замершей комнате.

Я лежал спиной к двери и по-прежнему делал вид что сплю. Не знаю, насколько таким примитивным приемом можно обмануть маму, но она бесшумно подошла и положила мне на голову мягкую заботливую руку. Постояла так некоторое время и так же бесшумно ушла, причем на обратном пути её шаги уже были беззвучны.

Дверь само собой бросила открытой.

А я и правда, уснул и проспал до середины ночи. Потом вскочил, в голове ни намек на сон, закрыл дверь, подошел к окну и принялся разглядывать Одд и отражения луны в рисунке мелких речных волн.

Река придавала какую-то безмятежность. Она не нуждалась в смысле и причинах, она просто существовала. Текла. Легонько шумела. Пахла тиной и плескала озорной рыбой.

Долгая ночь космоса приучила меня к созерцательности. Но из окна своей комнатухи было куда приятнее созерцать, чем из трубы штурмборта в бездну космоса на мониторе.

Кажется, я не очень люблю бездну.

* * *

Отец появился под утро, не выспавшийся, пахнувший ко-
стром и крепким потом, с усталыми глазами и неискренней
улыбкой.

Широкими шагами он преодолел двор, взбежал по дере-
вянной лестнице в донжон и обнял мать. Коротко перегово-
рил с ней и пошел внутрь здания. Я к тому времени давно
проснулся, привел себя в порядок, использовал заношенный
кусоч мягкой ткани, подозреваю, что это было исподнее и по-
пытался отполировать «зеркало». Получилось плохо. На ме-
ня смотрело мутное искаженное отражение – сравнительно
высокое непривычное существо, тоненькие ручки, тонень-
кие ножки, худое, с неопределенного цвета серыми глазами,
темно-коричневыми слегка выющимися грязными волосами
до плеч, большим носом и недовольно поджатым ртом. Пя-
лился я довольно долго, надо привыкать к моему новому те-
лу, теперь уже единственному, к внешности, особенно лицу.
Созерцательность прервал барон Соллей.

Впоследствии я сумел отполировать пластину «зеркала»
при помощи просеянной золы как абразива и влажной реч-
ной глины как полироли. И провел много времени, прежде
чем свыкся с тем, что «вот он я». Раньше технологии скара-
бея в любой момент могли вернуть мне изначальный образ,
как у расы создателей, или основные применимые на войне –
ипсилоидянский и кассийский. Образы врага. Теперь я толь-
ко человек.

Отец поднялся по лестнице, молча подошел, обнял и отстранился, придиричиво оглядывая меня, особенно рану на груди, кивнул, потом спросил про здоровье, про неповешенного Снорре, отмахнулся от вялых оправданий и потащил вниз, где уже накрывали на стол.

Главная зала занимала сразу весь этаж донжона. Она была столовой и местом собрания, вообще, чем угодно – при желании. На втором этаже – личные комнаты родителей, спальня, платяная – место хранения одежды, сокровищница. На третьем – комнатухи членов семьи, которая состоит сейчас только из меня и отсутствующего старшего брата, наследника земель и замка. Все, кроме моей, пустовали и постепенно захламлялись. Четвертый этаж – чердак, холодный, пыльный, с узкими бойницами и кучей забытого барахла.

Зато зала – сама красота и насыщенность. На стенах непонятные картины, на одной угадывался песочного цвета кот гигантских размеров, гобелены, зеленые с отливом шторы, статуи у стен, какие-то вазы, на полу – огромные полосы ткани с абстрактными рисунками, в углу – крест в человеческий рост, из отполированного дерева с нечитаемыми надписями. Рядом, на серебряной подставке – книга. Первый источник информации, который я видел, пока только издалека – был вручную иллюстрированным евангелием.

Посреди залы – длинный стол, который мог вместить, наверное, человек сорок, но накрывался на троих.

Пока я сидел и чувствовал себя неудобно оттого, что во-

круг снуют слуги, мать пыталась разговорить отца и это не получалось. Айон Соллей стал менее мрачен, но прятался от разговоров за ложкой с супом.

Подавали говяжий суп из сахарного корня шерви, с бобами и шафраном. Хрустящий ржаной хлеб. Я налегал на еду, аппетит был зверский, за что получил от матери уже три замечания по поводу этикета. Сиди ровнее, убери локоть со стола, не хватай еду рукой.

Ситуацию, как всегда, исправил Оливер. Он эффектно появился, поклонился, сделал матери комплимент, пожелал приятного аппетита, и с легкой улыбочкой рассказал о событиях последних дней.

Какой-то муж сестры жены конюха заболел, простудился и пока помирал, его жена ушла к другому мужику. А он не умер, пришел в себя, испил водицы и тоже пошел туда, но с деревянной оглоблей.

Через трактир «Пьяная Цапля» прошла толпа странствующих монахов, которые напились, поругались между собой по религиозным вопросам, подрались и сбежали среди ночи, не заплатив за постой и поломанную мебель. Говорят, что отбыли из города Бресте куда-то в страну англов.

Какой-то внук сестры дворника «ну вы помните такой ещё был рыжий» в пьяном угаре продал соседу корову, а оплату пропил в трактире. Раньше, чем сосед привык к новой животине, пришла жена пропойцы с деревянной доской для стирки, длиной в три локтя, увесистой. И аннулировала сделку,

сломав соседу пару ребер.

Оливер рассказывал цветасто, красиво и обстоятельно, дополняя деталями и пикантными подробностями, но в какой-то момент отец прервал его, подняв ладонь.

- Совет!

Айон Соллей встал, стул под ним жалобно скрипнул, отодвигаясь по полу и, наверное, если бы упал, отец этого не заметил.

Это слово прекратило трапезу, слуги засуетились и ушли. Мажордом учтиво, но с достоинством поклонился, хотя остался стоять, чтобы стеречь этаж от лишних ушей, матушка жестами велела подниматься и мне, потом поспешать по лестнице за бароном.

Поднявшись на третий этаж, отец подошел к невзрачной двери, достал из кармана связку ключей, придирчиво их осмотрел, выбрал один и отпер. Оказывается, на этаже, где я живу большая (ну как, лишь немного больше моей) комната, была отведена под этот самый «совет».

Не совсем понимаю, что означает «совет», но комната была пустой, пыльной, темной, с одним окном и несколькими креслами по углам. В самое большое сразу же сел отец и я понял, что оно вроде трона, то есть кресло – символ власти барона. Остальные поменьше, я выбрал ближайшее к отцу и не прогадал. На другом несколько брезгливо покосившись на пыль, присела матушка. Остальные пустовали, как бы напоминая, что Соллей бывают более многочисленными.

- Граф. Комте. Жаба золотушная. Гм. Итак, я обратился за защитой к благородному милорду Графу Эльберу де Конкарно. Копьеносцу. Жаловался на Марселона Фарлонга, на то, что он подослал убийц и пытался зарезать меня и Кайла и, если бы не божье вмешательство, преуспел бы.

Матушка заметно улыбнулась при слове «копьеносец». Отец замолчал, барабанил пальцами по ручке пыльного «трона», потом со вздохом продолжил, при этом стал кривить и блеять голосом, видимо, в подражание графу.

- Нууууу, ты же понимаешь, это всё домыслы, где свидетели или доказательства, ты же не видел своими глазами, может это просто разбойники там, бродяги какие, может это были норды, а? Норды? И прочее словоблудие. Бла-бла-бла. Тьфу.

Айон в раздражении шлепнул обоими руками по ручкам кресла.

- Ладно. Хитрый и подлый граф нам не помощник. Как водится, нам никто не поддержка. Конечно, предупредим Рэне и Кирка Голодного. Что теперь станут делать уродцы Фарлонги? Мы не знаем. Надо укрепить стену, проверить ворота. Из отряда только половина, остальных увел Аластрион. Пока вернет – оставшиеся состарятся и помрут. Прошу Оливера пусть кинет клич, наймём новую дюжину из молодых сельских дебилов. Желающие наверняка есть. Что скажете?

Матушка с печалью в голосе посмотрела в окно.

- Аласси не вернется. Будь проклят король. Чувствую так.

Нанимай кого хочешь.

Отец слегка опешил, но принялся успокаивать мать, что все будет нормально. Она молчала и держалась ровно, но на глазах её выступили слезы. Наконец он обратился ко мне.

- Что скажешь?

- Исходя из того, что знаю, Фарлонгов надо убить. Вражда длится почти двести лет. Они мстят за убитого на дуэли прашура.

- Длится. Кровная месть, не вражда. Это значит, пока умрут они или мы. Так бывает. Тот первый Фарлонг был убит пьяным около нужника на свадьбе тогдашнего герцога. Звали покойничка Юлиус, про нашу прапрабабку лишнего болтал, а наш-то прапрадед Айк послал его дальше овец трахать. Фарлонг начал мечом махать, тогда Айк снес ему голову как гнилую тыкву, ещё и шлем с мечом забрал. Трофей. Говорят, брат деда Гверанн, даже помириться пытался, шлем вернул, меч-то давно потеряли, но не вышло, они его поймали, между двух берёз растянули и разорвали. Месть. Кровь зовёт. Убить их всех - мечта. А реальность, это мост и стены. Надо прочесать окрестности, может, где следы их лагеря или лазутчик. Завтра пообедем земли.

- А за Аластриона сам переживаю, – тихо добавил он.

* * *

Утро. Раньше, чем диск солнца выкатился из-за холма, замок покинул Айон Соллей, я и недовольный ранним подъемом Снорре. Верхом, налегке, на свежих лошадях.

Первое селение находилось сразу возле замка, всего в половине лье, между холмами и представляло собой два десятка хаотично разбросанных домишек, грязных, крытых пожеленевшей соломой, частично вросших в землю.

- Наш пращур был с острова Маннин. Нанялся к тогдашнему герцогу Арморики. После победы над злыми нордами получил за службу эту землю. Многие тогда стали баронами. Наш обошёл свои владения и нашёл Красный остров подходящим для замка. А может, там укрепления от нордов оставались? Сигнал всех крестьян-сервов и заставил строить. Сначала деревянный частокол, хижины для воинов, для семьи, вал отсыпали. Не знаю, сколько длилась первая стройка, но часть сервов пережилась, детишки там, огороды, ну и осталась тут жить. Место между холмами теплое, поэтому сами же крестьяне так его и называли. Теплое. Говорят, тепло из-за кузниц подземных колдунов-двергов, но это ж вроде как ересь, капеллан говорит, что двергов не существует. Правда, за горшок вина учит крестьян как молитвами отвадить несуществующих карликов. Нестыковка. Как барон я в такое не лезу, пусть люд сам живет. Ты слушаешь меня, Снорри? Тоже мотай на ус.

Снорре и, правда, слушал, даже рот слегка разинул. Раньше он тут по холмам сам шмыгал как крыса, теперь под защитой барона Соллей приосанился. Были бы у него от природы перья – он бы их распушил.

- Арморика, сын, это край мира. Вроде так это древнее на-

звание и переводится. Туда, на запад - мир кончается. Только бесконечный океан. Атлантика. Или для простоты – море. С этими словами вечная путаница. Океан говорят, чтобы подчеркнуть, что он большой и это край света. Конечно, к северу, через Армориканское море - англы, к югу и на восток, франки. Но тут - граница вселенной. Каждый слышал, что на краю мира должны быть какие-то твари, слоны или демоны, которые держат мир на спине черепахи. И каждый знает, что это бабкина брехня. Нет никакой черепахи, доедем до моря – увидишь. Другое дело, край мира, а тут крестьяне на своем диалекте всеобщем балаболят. И норды шастают, вон один в зубах ковыряется. Селения у них свои. И англы, саксы, франки с фламандцами. Германцы есть. Болотники вообще говорят - что потомки *древних*. Встретишь какого ещё инородца, не удивишься. Получается не край мира, а проходной двор.

Отец, не торопясь провел нас по пустой «главной улице», где единственным живым существом был пятнистый кот, перебежавший дорогу, потом сквозь селение куда-то на север. Кругом постоянно сменялись холмы, редкие леса, кустарники, пару раз из зарослей показывались волки, но сразу бесшумно исчезали. Взлетали потревоженные птицы. Однажды дорогу перебежал заяц. Если кривую, необорудованную тропу можно вообще считать дорогой. Из-за густоты зарослей вокруг тропы не всегда можно было видеть окрестности. С точки зрения военной безопасности это никуда не годится – сотни мест, подходящих для засады. Зато земли Соллей не

были болотами, как я решил сперва. Или не только болотами.

Барон как будто прочитал мои мысли и принялся рассказывать про земли. Владения вытянуты с севера на юг неправильным куском. Рассечены рекой. В центре замок и село Теплое. Чуть севернее Дуболесы, село угрюмых, сравнительно высоких крестьян, которых ужасно раздражала привычка соседей искажать их названия, превращая в разнообразные оскорбительные эпитеты с использованием слова «дуб». На северном краю земель кусочек тракта, то есть важной транспортной артерии Герцогства, где стоял трактир «Пьяная цапля». С юга земли Соллей упирались в море. Река Одд впадала в Слепую бухту, где жили рыбаки, а за рекой болота, там деревушка болотников, те жили обособленно и отличались от прочих именами, внешностью, речью и укладом жизни, что, в общем-то, никого не трогало. Когда-то был ещё хутор малореченцев, но неизвестные бандиты сожгли его и всех убили. За одну ночь. Барон никому не успел помочь, даже не знал, кому мстить. Но это было почти десять лет назад. Теперь там только обгорелые островки зарастают сорной травой.

Земли были бедны, как большинство таких же баронских владений. Взрослых трудоспособных крестьян, считая лет с двенадцати - четырнадцати меньше двухсот, а то и полторы сотни. Мало пахоты, нет дорог, вообще ни одной, нет моста через реку, только переправа из плота с большой палкой

вместо весла. Нет садов, нет производства, кроме убогого кустарного, вроде плетения корзин.

Крестьянки рожали без устали кто по десять детей, кто и по двадцать, но не могли прокормить. Дети и взрослые умирали от голода и болезней, от эпидемий, несчастных случаев, пьянства, гибли от зубов волков и травились протухшей едой. Ну и военные конфликты. Нападение нордов с моря вообще были проклятьем. Причем крестьяне никогда не пытались сражаться, сразу бежали в леса заранее известными даже малым детям тропами. Наверное, по-своему они были правы. Единственные, кому в этой истории везло - были болотники. Враги не решались ступить в болота, считая, что там точно людей нет. Зато все остальные беды и напасти обнуляли гигантскую рождаемость, и население сотнями лет было примерно таким же.

Мы брели и брели, отец знал каждый холм и изгиб своей земли, иногда рассказывал истории, что-то показывал пальцем, но всё больше безмолвно смотрел на то или иное место, словно ему было что сказать, но не было смысла.

Тяжко вздохнув, он переключился на Снорре, вежливыми, но твердыми расспросами препарировал жизнь молодого норда, ни разу не позволив себе его обидеть или осудить, принимая все ужимки и болячки парня как должное.

Я слушал вполуха, всё чаще осматривал небольшие холмы и тесные низины, поросшие редким, но непролазным лесом. На каждом клочке земли росла яркая нахальная трава, цвели

цветы. Мелькали изгибы ручьев. Под деревьями кустарники хаотично переплетались. Носились насекомые, за ними птицы с широко расставленными глазами. Всё шумело, колыхало, жужжало и стрекотало. Арморика полна жизни.

С небольшого подъема показался трактир. Мы спустились по узкой грязной тропе между холмов к «Пьяной цапле», вернее к её непрезентабельной задней части, обогнули и оказались перед просевшими распахнутыми воротами, за которыми работник убирал конский навоз. Ну как убирал. Он брал крупные куски этого дела на совершенно грязную лопату и, далеко размахнувшись, закидывал подальше в кусты. Увидев нас, он широко раскрыл рот и прямо в таком состоянии, не закрывая пасть и с лопатой в руках, побежал куда-то вглубь хозяйства. Послышались звуки опрокинутых предметов и многословная ругань.

Отец чертыхнулся, спешил, то есть ловко спрыгнул с коня, подвел к воротам и прицепил поводья к одному из многочисленных крюков. Мы со Снорре последовали его примеру, хотя и не так шустро, поэтому пришлось догонять.

Помещение корчмы трудно назвать «залой». Здание вообще напоминало огромное жилище психически больного крестьянина. Всё грязное, низкое, пол скользкий, внутри полутьма, темные от времени столы и стулья. Холодно, сыро и неудобно. Отец ориентировался по памяти, из середины помещения в своей громогласной манере поприветствовал корчмаря.

- Августин! Мы присядем, где всегда. Прикажи позаботиться о наших лошадях.

Появился этот самый Августин, у которого даже была собственная фамилия - Малье. Высокий, сутулый, с шишковатым черепом, с залысиной, брюнет, и острым, как у птицы носом. Что-то в его внешности сходу отталкивало. Может быть, неискренняя улыбка вместе с какими-то мертвецкими глазами. Он лебезил перед бароном и поглядывал то на меня, то на Снорре, одновременно пытаюсь выведать, куда мы едем. И пока мы с нордом молчали как пни, отец сделал широкий жест, сказал что-то неопределенное про Аббатство Гвеноле и просил поторопить обед.

Трактирщик растворился в полутьме. Спустя несколько минут худой мальчишка с заячьей губой стал подавать горячее мясо, кислое вино и козий сыр.

Я ел и пытался вспомнить, что знаю про аббатство и как это вяжется с осмотром земель, одновременно завидуя Снорре, которому было откровенно наплевать куда скакать, лишь бы там кормили. Аппетит у него был, конечно, как у дракона.

* * *

Привстав на стременах, я увидел море. Увидел, услышал и почувствовал, как можно ощутить близость колоссального живого существа. Море.

Я ошибался насчет аббатства. Откушав и не заплатив за обед, безмолвно следуя за Айоном, мы покинули заведение, двигаясь по тракту в сторону запада, но за первым же пово-

ротом нырнули в заросли, спешили и побрели одному барону ведомой тропой. Ни в какое аббатство мы не поехали. Снова верхом, а ехать получалось плохо, продираясь сквозь кусты, непонятно как оказались в деревне Дуболесы. Отец отвел в сторону и подробно расспросил какого-то старика с длинной белой бородой, вероятно местного старейшину. Покончив с этим, мы забрались, как мне кажется, в самое темное непролазное сердце Дуболесья, где нас пару раз чуть не укусили змеи. Не знаю, что мы там искали, но после долгого дня скитаний оказались недалеко от моря, на холме возле реки Одд.

Одд повел нас вдоль своих медленных берегов едва заметной тропой к морю. Хотя оно и исчезло из вида, его звук и запах постепенно усиливался. Взяли сильно левее. Солнце катилось от зенита к горизонту, мы дошли до берега. Обрыв высотой шагов пятьдесят. Волны уверенно били в камни. Как солдаты, раз за разом штурмующие сушу, они не знали усталости и не считали потерь. Шу-у-у-у-у-у. Ту-бум. Ш-ш-ш-ш-ш-ш. Шумят обточенные бесконечным движением камушки.

Кажется, наслаждался видом только я. Ни отец, ни норд не удостоили моря, вернее сказать, целого океана, даже мимолетного взгляда, вместо этого стали бодро спускаться вдоль берега к реке. После зарослей - простор, вид океана и умопомрачительные запахи ветра пьянили меня.

Здесь река впадала в океанскую гладь. Бухта, с народным

названием «Слепая».

На месте слияния широченной и совершенно спокойной Одд с бухтой, река распалась на две мелководные протоки, образуя большой бестолковый остров, который из-за отсутствия более осмысленного названия рыбники именовали «Треугольником» или почему-то «Штанами». Ничего интересного на острове не было, разве что там водились дикие козы.

Барона такой поверхностный взгляд не удовлетворил, он нахмурился, повел знакомым ему бродом, мы промокли до пояса, потом до подмышек, но на остров попали. По сути, это просто треугольный кусок леса посреди реки, на котором было сыро и воняло тиной.

Как оказалось, отец не зря считался опытным охотником. Пока я топтался на месте, он утащил за собой норда и вскоре разразился радостным рыком. Они ловко нашли козью тропу, а я стал как тупой толстый кабан ломиться на звук, таща за собой упирающуюся лошадь.

Посреди острова торчал повернутый углом высокий камень, не очень заметный среди деревьев, зато с самого камня просматривались бухта и все берега. Под камнем была натоптана поляна и сооружено кострище.

Следопыт из меня плохонький. Пепел и пепел, но отец покопался ножом и заключил, что огонь жгли умело, костел в прямке, обложен камнями, чтоб не был виден свет. Огонь слабенький, зато без дыма. Пепел убирали. Жгли его мини-

мум неделю. В последний раз примерно во время нападения на нас.

- Они. Значит, бандиты не караулили нас у болот. Ждали тут. Потому вынюхали, где мы, напали. Устроились основательно. Вон там, видишь, плотный шалаш из ельника, основание окопали, лежанки собрали. Дрова есть сухие. Снорри, умеешь костер разводить?

Норд пробурчал, что при наличии сухого огнива любой дурак костер разведет и принялся хлопотать. Меня же отец потащил на камень.

- У них тут была обзорная площадка. Вещи не валяются, значит как-то из нападавших вернулся назад и собрался. Не участвовал в нападении, либо вовсе оставался в лагере. Если был неподалеку от места боя, мог видеть то, что видеть не положено. Но вряд ли бы утерпел, нападали всей толпой. Скорее остался, не дождался и ушел. Или уплыл на лодке. Доложил заказчику об неуспехе. Тогда Фарлонгам остается только гадать. Вспышки божественного пламени тоже мог видеть, такое не пропустишь. Плюс твоё стояние в церкви. Все земли вокруг полны слухами о тебе. Теперь пойдет молва про поездку в аббатство. Это хорошо, пусть враг теряется в догадках.

На камне действительно было прекрасно видно бухту, все берега и деревушку рыбаков, куда отец решил уже не ехать.

- А вон там, сын, на западном берегу бухты - остатки города *древних*. Сегодня заночуем прямо тут, только коней стре-

ножим, подкопченного мяса поедим, Снорри в седельной сумке таскает. Завтра вернемся в замок.

У меня екнуло сердце. Город. Вообще о неких «древних» местные упоминали постоянно, с придыханием и таинственностью. Древние оставили много следов. А может это доисторическая технологичная цивилизация? Допустим, разумная раса погибла в катаклизме или взаимной разрушительной войне. А то, что я вижу, только постапокалиптический мир. Попытка выживших и одичавших людей жить на руинах? Сглотнув комок, я попросил отца:

- А можно мы завтра пойдем и посмотрим на остатки города древних?

Отец внезапно оживился, глаза его блеснули:

- Конечно. Я там сотню раз лазил, когда мелкий был. Сам всё покажу.

Река Одд текла по обе стороны острова. Снорри ругался себе под нос. Костер сложил, но развести не получалось, хотя норд понимал, что поесть получится только после этого.

Река плескала прохладой мелких волн. Дышала. Лениво, хитро, как старик, смотрела на глупую возню нерадивых внуков. Одд не считала норда чужаком. Может и меня примет как родного? Несмотря на вечер и холод, я решил искупаться перед ужином в неспешном течении реки. Той, которая без слов связывала беспокойную жизнь земли Соллей и спящего колосса западного океана. Одд.

Глава 5. Молодая кровь

Никакой ядерной войны не было. Не было битых стёкол и потёкших полимеров, композитных металлических боксов и ржавеющих остатков загадочных механизмов. На этой планете нет цивилизации, просто потому что её никогда и не было.

Мертвый город - камень, камень и камень. Большей частью – природный. Даже не обработанный. Кое-где примитивный обожженный кирпич. Наверное, соединено при помощи окаменелых экскрементов и палок. Выглядит ужасно. Металлических конструкций – ноль. Каменный век. Буквально.

Но. Начнем с того, что город всё-таки в наличии. Утром мы потратили пару часов пока добрались до Певчего холма, с которого можно было полюбоваться руинами, потом пересекли заросший ров, проникли внутрь сквозь огромную дыру в городской стене. Никто даже приблизительно не знал, что это было за поселение, как оно назывался, чем жило и кто его построил. То есть на последний вопрос был один ответ – «древние» и всё. Любое большое и осмысленное – сразу древние. Без вариантов.

Я сидел под ласковым утренним солнышком на высокой неразрушенной стене и наблюдал как отец расхаживает туда-сюда, время от времени что-то мне рассказывая. В основ-

ном как они с Оливером лазили тут, вот там жгли костер, здесь убили камнем куропатку, тут нашли бронзовую ложку. Кстати, именно поисками спрятанных кладов совершенно не таясь занимался Снорре, оправдывая прозвище «Искатель» и что вполне закономерно – нашёл только окаменевшие собачьи фекалии.

Город с неизвестным названием имел очень логичную геометрию. Улицы параллельные морю и перпендикулярные. Прямые, ровные как струна цисты. Руины от зданий. Некоторые стоят до сих пор, но только у парочки есть крыши с просевшими стропилами и седой от времени черепицей. Еще была площадь или просто пустое место. Ближе к морю большой отступ, наверное, для технических или торговых целей. Там время постаралось больше всего, береговая линия безжалостно сдвигала, разбивала и уносила все что могла.

Зато цела низенькая неказистая стена и заросшие остатки рва, они любовно прижимали город к морю. Квадратные башни, шесть штук, из них два возле места, где были ворота. Выход из города по неизвестной причине повернут в сторону непролазных болот.

К западу от города, за стеной начинался Певчий холм. Никаких музыкантов там не было, зато жила армия поющих дроздов и желтых корольков. На редких деревьях и непролазных кустах, они орали сотнями глоток, особенно в безветренную погоду. С холма в город текло два ручейка. Один отчетливо желтый, но щедрый, так и назывался, по цвету,

Желтый, либо же нелицеприятно – Великанская моча. Второй чистый, холодный, но мелкий, назывался среди местных – Пацан. Весь уходил в заросший крепостной ров.

Ну и чайки. Это их город, и они засрали его просто невероятно.

Было заметно, что отец любил руины.

- Когда был мальцом, мечтал, что стану взрослым бароном, хозяином земли, восстановлю город и стану в нем жить. Соллейгард, на норманнский манер. Улицы тут будут. Дамы манерные. Лавка мясная чтоб пряное подсушенное мясо продавалось. Сладости. Вино. Пивоварня, само собой. Мда. А потом Фарлонги подстерегли дядю Анри после ярмарки в Конкарно и отрезали ему голову. Перед смертью пытали калёным железом и солью.

«Фарлонги» звучало с горечью и ненавистью, протяжно, как ругательство.

- Хотя, конечно, исчезни злобные уродцы Вороньего замка, ничего не изменится. Город, это просто пустой город.

- Нет, – не согласился я. Уже справившись с первым разочарованием пытался посчитать сколько людей могло тут жить.

- Как звался город? Сколько было жителей?

Отец неопределенно пожал плечами.

- По моим ощущениям никак не меньше пяти тысяч человек. Они жили на этой же земле. Отец, древние наверняка не знали ни колдовства, ни особенных технологий, они жили

как живут люди сейчас. И на этой же земле легко прокармливали пять тысяч ртов. Значит и мы можем.

- Земля есть, — легко согласился Айон Соллей. - Но покоя она от сотворения мира не знала. До древних был народ аро или ар. Их выбили бритты. Тех — древние. Норды вырезали всех. Сейчас земли наши. Но поля некому пахать. Народ мрет. Мало кто до тридцати трех доживает. Мне вот тридцать семь, я уже старик, хоть и крепкий. Пойдем, я тебе маяк покажу, он отлично сохранился, только снова карабкаться придется. И туннель, в нем привидения водятся. Только неглубоко пойдем, факела нет.

* * *

Неторопливо отбив щитом удар, тем не менее вышиб у толстого нерасторопного Жерара учебный меч. Он йокнул и стал обиженно тереть кисть.

- Руки из дерьма! Свиная жопа! — Гюнтер, старший мастер, бывший чем-то вроде инструктора воинского искусства, ругаясь сразу на всех нерадивых крестьянских детей, снова сменил мне противника.

Третий день обучения. На призыв о найме новых воинов пришло целых двадцать девять молодых, не обезображенных интеллектом подростка, желающих стать эспье замка Соллей. Многие из соседних земель. По моим ощущениям, которыми я ни с кем не делился, многие семьи просто пытались избавиться от лишнего рта. И отправляли не самого лучшего отпрыска, а скорее того, кого не жалко. Жерару сказали,

чтоб домой не возвращался, поэтому он пыхтел, потел, старался, но ремесло воина ему не давалось.

Явившихся на призыв о службе именовали «призывниками». Убогий отряд призывников в замок не пускали. Возле вала, на берегу Одда была большая вытоптанная площадка, именуемая Пятка, где и проходило обучение. Спали вповалку в огромном шалаше, которые построили сами же, под чутким руководством Гюнтера. То есть при помощи матерщины и зуботычин.

Трех отроков каждый день отряжали готовить, прибираться, подметать и разрешать прочие бытовые нужды. Ещё один помогал замковому кузнецу Кристэну, который тут же соорудил походную кузню, без устали ругался и мастерил учебные мечи из сырого железа, простые дощатые доспехи и щиты. Щиты вообще уходили как пирожки в базарный день, что усложняло ругательства кузнеца и глубину проклятий, накладываемых на всевозможных родственников призывников. Его помощник молча обливался потом, с утра до вечера таская дрова, притаскивая сломанное и найденное, мастера щиты.

Кристэн не был умелым наставником, но компенсировал это руганью и угрозами физической расправы. Как любой кузнец он был силен, страшен и, по верованиям людей, связан с колдовством. Его боялись и слушались беспрекословно. Мне казалось, что одинокий молотобоец, вдовец, у которого из родственников была только нескладная ширококост-

ная дочь, явно засидевшаяся в девках, среди прочих бездарей подыскивал себе ученика.

Остальные же призывники от зари до зари до седьмого по-та бегали, прыгали, махали мечами, отрабатывали удар. Падали, вставали и лупили друг друга тренировочным оружием.

Мне поставили в напарники неизвестного паренька, который должен был просто бить мечом, а я только отбивать. Поскольку Гюнтер орал у него под ухом, то даже с этой задачей он не справился, пару раз упав от собственного замаха.

Среди прочих болванов и лентяев выделялся Артюр. Молодой, худой как жердь, вредный, длинноносый, постоянно ругался сквозь зубы. Уже четырежды подрался с другими учениками. Терпел боль, никогда не жаловался, искренне пытался осваивать все виды вооружений и явно умел стрелять из лука. Следующим против меня поставили его, и, конечно, он тоже быстро устал. Обливаясь потом, он махал и махал мечом под разными углами, а я снова и снова отбивал, иногда делая полушаг в сторону, чем явно злил Артюра. Раскрасневшийся, злой, худющий, он смахивал на деревенского драчливого петушка.

- Где ты учился стрелять?

- Отец охотник. Я дуболес, с детства охочусь, застрелил уже трех волков, – парнишке льстило внимание, но он ещё больше выбивался из сил.

- Смени руку.

- Что? – не понял Артур.

- Смени руку. В реальном бою тебя ранят в руку. Или сломаешь. Будешь умирать? Сдашься? Или будешь драться другой рукой?

Дело пошло веселее. Мне тоже пришлось подстроиться под новое направление ударов.

Пока мы тренировались, я думал. Думал о том, что для меня это тоже обучение и освоение нового тела. Теперь уже постоянного, без «скарабея» я застрял в этой оболочке. Надолго. Навсегда.

Думал о том, что для парнишек – детей крестьян нет другого пути. Замок ничем не лучше деревни. Есть ещё пару городов. Вглубь континента наверняка больше, но там тоже не мёдом намазано. У подростков всегда проблема с самореализацией. И что делать мне? Всю мою реальную жизнь, а мне по местному летоисчислению было бы меньше трех лет – был воином. И вот, сейчас машу щитом. Тогда это не мой выбор, а воля «создателей». Я беспрекословно следовал ей. До сих пор считаю, что поступал правильно. Но хотел ли быть солдатом? В этом мире нет очевидной войны. Да и должен ли я участвовать в войнах? Меня вообще кто-нибудь спрашивал, чего я хочу? Могу я поступить так, как считаю сам?

- Отдыхать! – проорал над ухом Гюнтер, который, казалось, был везде и всюду. Скорее всего возле меня он и правда бывал чаще. Задача обучения баронского сына сложна. Маленькому Кайлу дали в руки деревянный меч в два года. Лю-

бой рыцарь от барона и до короля проводит жизнь с оружием, постоянно обучаясь, и он не обременен другими заботами, не знает голода, лишений и поиска ночлега. То есть заведомо сильнее, здоровее и лучше обучен. Поэтому крестьянские дети, как бы не старались, и близко не могли сравниться с рыцарем. Он один стоил полсотни простолюдинов. Хотя, как показывает опыт нападения на Айона на болотах, если речь не идет о честном сражении, то и нищие голодранцы вполне могут отправить кавалера прямиком к его благородным предкам.

Кстати, про это. Поневоле я втянут в многолетний убийственный конфликт семей Соллей и Фарлонгов. Местная религия велит прощать врагов своих, однако рыцари склонны прощать только собственноручно убитых врагов. Значит, конфликт закончится истреблением одной из сторон.

Усталый, потные и грязные, пахнущие совсем неароматно, ученики стали понемногу разбредаться.

Мой щит, получивший тысячу ударов, выглядел плачевно и годился только в кузнечный очаг. Поискав глазами, куда его можно сплавить, натолкнулся на толстяка Жерара. Он стоял, весь из себя тоскливый, в лучах вечернего солнца и поэтично смотрел в сторону замка.

- Хочешь жить в замке?

Вместо ответа Жерар как-то съежился и посмотрел на меня с откровенным страхом.

- Отвечай!

- Да, мой господин.

- Но воинское искусство тебе не дается?

Ответ был очевиден. Глаза подростка блеснули слезами.

- Не реви. Знаешь, что такое ремесло?

- Ну. Это. Мой папа мельник. Умеет делать то, что не могут другие. Только мельником станет мой гаденыш-брат, мамкин любимчик, похожий на соседа дядю Ранне Криволапого, а я, если не поступлю на службу барона, стану гребцом на каком-нибудь страшном торговом корабле. Мать продаст. Там рыбы едят блевотину моряков, водятся страшные морские чудища и огромные змеи. Наверняка попаду в плен к нордам, и однажды они меня выпотрошат кривым мечом словно жабу. А перед смертью заставят съесть собственный желчный пузырь. Пьяные. Просто так. Ради забавы.

- Душешипательная история. Так ты хочешь попасть в замок?

Жерар испуганно кивнул и стал озиаться по сторонам, не слышит ли кто наш разговор.

- Держи щит. Вон кузнец, знаешь, как его зовут? Не Кристэн, а мессир Кристэн. Означает человека, который достиг большого мастерства и уважения в своем ремесле. Так вот, дуй к нему, заодно щит отнесешь, поклонись и скажи, что хочешь обучаться кузнечному мастерству у него. Всю жизнь мечтал. И возьми с собой попить. Видишь, достойный человек весь день на жаре молотом и инструментами орудует, а воды ни одна скотина не подаст.

Лицо толстяка стало серым и глаза попытались вылезти наружу.

- Боишься? Вижу, что боишься. Кристэн страшный. И сильный. И злой. И укусить может. Но вот скажи мне сын мельника, ты кого больше боишься – кузнеца или норда, с хохотов вскрывающего тебе брюхо. А?

- Пирата. Норда. – шепотом отозвался парень, хотя по глазам было видно, что его мысленный норд далеко, а вот кузнец осязаемо близок.

- Хорошо. Плечи расправь. Ты в этот миг должен понять, ощутить, что ты прямо всем сердцем ещё с детства мечтал стать учеником кузнеца. Именно такого, как мессир Кристэн. И по-другому его никогда не называй. И он тебя в ответ всенепременно проматерит до самой твоей пробабки, и пошлет на болота говно потоптать. А ты всё это снесешь, поклонись и спросишь, чем помочь уважаемому мессиру. Он тогда тебя снова отругает, но уже без огонька. Сделаешь, что скажет, даже если ужин пропустишь. Переживешь. И завтра к нему в помощники напросишься, это легко, других дураков нет. Ты слушаешь меня? И будешь заботиться о нем, как о родном отце не заботился. Воды там, инструмент, принести, унести, подай, под ногами не путайся. Он тебя для порядка ругать будет. Куда без этого. Только после обучения Гюнтер и мой отец выберут двенадцать молодых эспье. А ты напросишься учеником кузнеца. Но это не конец истории. Увидишь дочь Кристэна, поймешь, что красивее де-

вы не видал, и будешь за ней ухаживать, красоты ей говорить, цветочки дарить. Искренне. Всем сердцем. Мыться ради неё начнешь. Поцеловать пробовать, пока никто не видит. Ну по шам получишь, конечно. Как иначе? Но продолжишь, и она тебя, остолопа, полюбит. Ты у её отца благословения попросишь. Он повыеживается для порядка, но будет доволен. Свадьбу в замке сыграете, я у родителей за тебя попрошу. Родственников своих сраных пригласишь. Первенца в честь Кристэна назовете. Так глядишь, жизнь закончишь, поругиваясь и выковывая учебные мечи для очередной молодой дюжины. Большой, злой, с сильными волосатыми руками и бородицей. Все тебя бояться будут, как Кристэна бояться. А не обоссанный от страха и боли, с внутренностями на мокрых камнях ютландских берегов. Так как, ты определился?

В глазах Жерара блеснул огонь. Мои слова больше не пугали. Похоже, его заворожила идея про сильные волосатые руки и красавицу-дочь кузнеца. Глядя в сторону Кристэна, он поклонился мне, нахмурился, как человек, у которого теперь есть важное задание, и уверенно пошел в сторону столовой, где беспардонно отнял единственный кувшин.

Глядя ему вслед, я подумал, что вроде наделил кого-то если не целью жизни, то каким-то смыслом.

* * *

Миски были обыкновенные, деревянные, небрежно мытые в реке и их не меньше сорока. То есть с запасом. Сто-

ловая, это такое место, где по идее все едят за столами. Но единственный грубо сколоченный стол использовался для готовки и раздачи порций, а ели уж как придется.

Когда я взял миску, прошел мимо учеников к чану с едой и вежливо потребовал, чтобы мне её наполнили, народ как-то замер. Барон не ест с простолюдинами, тем более их пищу. Это ограничение меня разозлило, и я его нарушил. Дежурный призывник в изумлении навалил мне полную посудину.

Часть Пятки была кострищем, вокруг которого набросаны бревна. На одно такое я сел, и при помощи примитивной ложки принялся есть кашу из плохо сваренных черных бобов с застывающим бараньим жиром. Теплую и несоленую. А народ продолжал пялиться на меня. Прямо какое-то скопление статуй.

- Хера застыли? – проорал над Пяткой знакомый голос Гюнтера. И продолжил, вкладывая протяжный вой в каждое слово.

- В военном походе наш господин делит с нами все тяготы и лишения! Гордитесь, что преломляете хлеб с ним рядом. Но нехера тут пялиться, как на голую бабу. Полудурки! Пьяницы прокажённые! Уткнулись рылами в миски и бегом жрать!

К этому времени со мной рядом уселся невозмутимый Снорре. Кажется, его изначально не смущало ни качество еды, ни вопросы этикета, и идею пожрать он принял как родную. Похлебка, кстати, мне понравилась. Вообще нравилась

человечья еда. Такая со вкусами, текстурой и плавающими кусками. Бобы слегка скрипели на зубах.

А вдалеке Кристэн, поставив руки в боки, заставлял толстяка что-то собирать, а увидав что ужин начался, размашистым жестами отправил жрать.

* * *

Каждое утро, ещё до восхода солнца – подъем. Я вставал, одевался, шел в господский туалет, пугающую деревянную конструкцию, которая торчала из каменной стены донжона в сторону реки, чтобы отдавать результаты физиологических стараний сразу в воду. Практичная идея разбивалась о то, что конструкция продувалась всеми ветрами и угрожающе скрипела.

Потом во двор. В чистом дворе были бочки с дождевой водой, ошеломительно холодной, в которой я умывался, отфыркиваясь и подмерзая, когда появлялся Снорре, одетый, вооруженный, всем своим видом осуждающий водные процедуры.

Вместе мы шли на Пятку.

На второй неделе к обучению присоединилась вся дюжина «стариков». «Копьё» -дюжиной было условно, потому что вместе с Оливером, который появлялся изредка, и то, чтоб присмотреть за мной - стариков было одиннадцать. Но математика не имела особого значения, к тому же никакого строгого правила о численности отряда-копья не было.

К рассвету, когда подростки ещё только начинали бегать

в кусты по зову мочевого пузыря, старики появились в полном боевом облачении и протрубили в рог. Когда молодые вывалились из шалаша, особо их потряс Жак, среди жителей замка заочно именуемый - Людоед.

Жак Людоед был высок, широк в кости и сразу во всем теле толстоват. В этом мире полнота редкость, а Людоед к тому же обладал непривычной короткой неровной стрижкой русых волос, короткой плотной бородой и зарослями по всему телу. Огромный мрачный полуоткрытый рот, полный крупных гниловатых зубов и незабываемый цепкий взгляд. Такой огромный лохматый недобрый человек, который смотрит на тебя, как будто хочет съесть. Буквально. Никогда ни у кого не было вопросов – почему его зовут Людоедом? И каждый интуитивно понимал, что лучше в глаза его так не называть.

Старики дали молодежи подготовиться, пописать там, одеться, вооружиться, выстроиться в бесформенную толпу, после чего крикнули – «обороняйтесь!» и навалили феерических звездюлей.

Мы со Снорре стояли неподалеку и обуревались эмоциями от зрелища.

Потом мат-перемат Гюнтера, который, конечно, тоже принимал в этом участие на стороне стариков. Он собрал разбежавшуюся по кустам молодежь назад и начал новые тренировки.

Старички были не так выносливы и активны, как молодежь. Но опыт и мастерство были налицо. Время от времени

они показывали удары и защиту. Потом час за часом их отработывали.

День за днем.

Основа оружия – меч, топор, копье и лук. Лук – только у тех, у кого получалось, и при условии одновременного умения владеть топором или мечом, такой воин сразу же ценился. У остального оружия всего по три-четыре основных движения атаки и защиты.

Мне, естественно давали больше, поскольку предполагалось что Кайл, несмотря на характер гаденыша и лентяя, в основном, всё умеет. Я схватывал на лету, помогала сила и скорость.

Теперь, обрстая приемами и движениями, приходилось показывать высокий класс и оправдывать баронское происхождение. Из любого учебного поединка я неизбежно выходил победителем, потому что добавлял к ударам большую подвижность.

Мне казалось странным, что, одновременно орудуя мечом и щитом, эспье почти всегда стояли как вкопанные. Конечно, логика в том, чтобы не упасть - есть. Даже без тяжелой брони падение означало заведомо проигрышное положение.

Я же крутился как волчок. Не включая своё тело на полную катушку, уходил из-под удара, атаковал сбоку или отскакивал.

Конечно, это всё тренировка, чувствовалось, что старики могут намного больше.

Под вечер одного из дней я подошел к кузне, где, как сытый паук властвовал Кристэн. Вокруг него мелким бесом суетился Жерар. Сын мельника похудел, выглядел измотанным, но глаза его горели, а движения стали уверенными. Хотя, увидав меня, он запнулся и выронил какой-то хлам. Впрочем, Кристэн этого не заметил. Его взгляд пожирал мою баронскую персону. Они оба явно меня не ждали и не знали, как себя вести. Кузнец даже не сразу догадался встать.

- Мессир Кристэн!

Сквозь пот и грязь лицо кузнеца просияло. Благородные рыцари чаще называют хоть кузнецов, хоть свинопасов фразой вроде «эй ты, как там тебя!» и непременно слегка визгливо. А тут целый «мессир»!

- Да, милорд Кайл, – он слегка поклонился.

- Позвольте ли вы на некоторое время отпустить Жерара со мной для небольшой клинковой тренировки и молитвы. Когда он покончит с вашими поручениями, разумеется.

Кристэн, польщенный таким уважительным тоном, отослал паренька тут же, сделав указующие жесты руками, напоследок действительно придав широкий учебный меч.

Когда мы оказались одни, вдалеке от Пятки, Жерар начал что-то бормотать, вроде благодарности или извинений.

- Стоп. Жерар. Ты что, боишься, что ли?

Он опасливо поглядел на меня и кивнул.

- Отставить бояться. Вижу, что мессиру ты глянулся. А он

тебе. Собственно, хочу быть последовательным. Сейчас разучим пару ударов. Буду осторожно парировать, ты медленно, потом быстрее атакуй. Запомни. Воины в замке - эспье. Но вооружены и будут драться все обитатели. Потому что, когда придет враг, если замок падет – пощады никому не будет, даже малым детям. Лучше уж смерть в бою. Так что навык обращения с мечом не повредит. Потом помолимся перед ужином и сном.

Конечно, меня мало интересовала тренировка, хотя стоит немного «подтянуть» навыки Жерара. Он ведь совсем отошел от воинского ремесла, всецело взявшись за кузнечное. Когда он порядком намахался клинком, я велел ему стоять ровно и повторять за мной молитву по словам.

Взял его двумя горячими от упражнений руками за шею. Медленно мы повторяли.

- Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли...

Я *лечил*. Не очень сильно, не как Снорре, потому что Жерар не был ранен или болен. Но ежедневное утомление догоняло его, а лечение даст ему прямо с завтрашнего дня силу троих. Так я хотел поддержать его, раз уж начал помогать. К тому же мне хотелось проверить одну догадку. Молитва была нужна, чтобы объяснить странное состояние во время лечения.

После молитвы я отпустил ошарашенного Жерара, а сам побрел к замку. Совсем не удивился, когда из кустов образовался молчаливый Снорре и помог идти. Как и в прошлый

раз, ему влетело от матушки.

* * *

Барон Айон Соллей вынул из ножен меч и неглубоко вонзил в землю. То же самое сделали Оливер, Гюнтер, Кристэн и ещё один старый эспье - Одноглазый Андрэ. Следом за ними и я, образовав импровизированного ежа из потертых от постоянного использования клинков.

Мы стояли среди кустов вершины небольшого холма, с которого просматривалась Пятка. Был перерыв на обед, так что на площадке только упрямый Артюр в одиночку отрабатывал удар и молниеносный уход в защиту. Холм назывался Гостевой. Если к замку среди ночи приезжал кто-то свой, то разводил тут костер, греться до утра. А в замке знали, что по берегу не шастают чужаки, а вроде как свои. На этот случай тут был небольшой навес, кривая жердь для коня и запас сухих дров. Вокруг кострища натоптана полянка, где мы и собрались подальше от чужих ушей. Вроде совета по результатам обучения. Выборы, кого будут учить воинскому ремеслу дальше.

- Месяц прошёл. Чуть больше, – задумчиво начал отец.

- Мы подготовились, подумали, посмотрели... – начал Оливер, который с призывниками был знаком хуже всех.

Отец поднял ладонь, призывая к тишине.

- Простите, други. Прерву. По традиции мы выбираем и учим дюжину. Молодое копьё. Вы смотрели своих кандидатов, готовы спорить и доказывать, знаете, кого там среди них

как зовут, хорошее и плохое. Как коней, оценили по породе и движениям. Но. Тут такое дело. У нас не обычная ситуация. Прежняя молодая дюжина ушла с моим Аластрионом, следуя призыву короля идти на святую землю. Хоть и не крестовый поход, но пламя войны не утихает. Так далеко даже я не ходил. И они не вернулись. Два года уже. Мы все волнуемся, особенно Андрэ, там всё-таки Отис и зять Дайодор. Я за своего волнуюсь. Не вовремя Фарлонги зашевелились.

Короче. По глазам вижу, что всем есть что сказать про молодняк, даже Кайлу. Но. Не будем выбирать. Берем в молодые ученики эспье всех. Сформируем две дюжины, два копия, одной будет командовать Гюнтер, другим Андрэ. Из молодых определите помощников сержантов. Ну, Кристэн заберет себе того парнишку, как там его. Можете самых негодных выгнать. Предложим им стать слугами, если захотят. Запасы зерна есть, скотина плодится, койки новые надо будет собрать. Доживем до весны, буду думать, как всех кормить. Если зимой нас Фарлонги не сожгут заживо. У них-то говорят шесть дюжин и куча денег на наемников.

Теперь можете говорить. Оливер?

Глава 6. Конкарно

Кристэн отладил и смазал кузнечным маслом ворота, теперь они постоянно открывались и закрывались, пропуская отряды на тренировки. Сразу трое новеньких стояли на Караульной башне. Над ними шефствовал Клоде из старой дюжины. Командование заключалось в том, что он спал на груди тряпья, спрятавшись от чужих глаз в верхней комнатухе башни, велел молодым «если что, будить». Как правило, это «если что» был ужин. Лицо старичка Клоде округлилось, он стал иметь вид довольный и сытый.

Молодняк радовался. Парни смотрели друг другу в лица, откровенно гоготали над теми, кого не взяли в эспье и предложили остаться в прислуге. Глаза горели, для них это была игра, жизнь впереди заблестала красками, ещё бы, они будут жить в замке.

Постоянная угроза. Фарлонги могут напасть. Пиратов с моря никто не отменял, дошли слухи о трех нападениях в северной Арморике. К западу от города Брестэ видели нордские драккары. Могли появиться новые наемные убийцы. На рынке Конкарно ходили слухи о чуме.

Люди привыкли. Говорили, что спокойные времена прошли. Раньше было лучше. Правда, тут же упоминались битвы, огонь, нападения и ужасы войн недалекого прошлого. Но все смотрели на жизнь с надеждой. С огнем в глазах.

Поскольку быт наладился, отец отправил меня с Оливером и парой слуг на рынок, закупиться для снаряжения отрядов и вообще. Снорре прилагался ко мне, вместе с тощим кошельком с несколькими монетами, плащом и стареньким мечом.

Выехали рано утром, на конях, но с фургоном, отчего двигались медленно.

Езда, то есть перемещение сидя на здоровенном местном животном действовала мне на нервы. Рыцари с детства катаются верхом. Даже само слово рыцарь вроде как означает – «мужик на коне». Но я-то новичок. В первый раз, с отцом, меня спасали только непролазные места, где мы постоянно топтались, ведя за собой животину. Сейчас пришлось привыкать. Задница (и далеко не только она) болела, ещё нужно держать баланс. Но лошадка была спокойна и соображала, что делать и куда ехать быстрее меня. Парадокс. Местные далеки от цивилизации, но транспорт с элементами искусственного интеллекта и системой автопилота уже есть. В общем, если бы не крупная меланхоличная лошадь, звали её Этоиль – Звездочка, я бы позорно ехал в телеге. Поддерживало меня только то, что мой Снорре как любой норд тоже был не силён в верховой езде, периодически шипел и забавно ругался на своего коня.

Пока мы продирались сквозь тропу к тракту, я освоился и поверил в свои силы. Все-таки в этом мире лошади – единственный сравнительно быстрый инструмент перемещения в

пространстве. Надо привыкать.

Теперь меня раздражала необходимость ползти со скоростью фургона. На тракте направо, на восток. Проигнорировав возмущенные вопли Оливера, мы со Снорре отделились от основной группы и погарцевали к городу. Насколько я помнил, промахнуться никак не могли, тракт к нему и вёл.

Так, к полудню, смахивая пот, потирая ушибленную задницу, в сопровождении недовольного норда, я попал в местный город.

Конкарно. Местные произносят как Конк Карно. Или Корно. Графам не нравился этот разнобой, поскольку много лет назад они взяли себе фамилию в честь своего владения, а не наоборот. Если кто-то где-то писал Конк Карно, его воспитательно секли по жопе розгами за оскорбление чувств графа. К счастью, местные в массе своей были безграмотны и вообще ничего нигде не писали, а за устное название – не наказывали.

Слева холмы, справа низины, необработанные поля, за ними море. Его вид будоражил. Два корабля, мелкие суденышки, покачивались в бухте. Дорога напрямик в город. Оттуда и туда брели люди, попрошайка протягивал мозолистые руки и фальшиво шлепал беззубым ртом, прося монетку или хлебушка.

Город, по определению - поселение со стеной или иной преградой. Ну, некая изгородь вроде как в наличии. Там, где тракт входил в широкие бестолковые ворота, часть стены бы-

ла из земли, камней и бревен. Но дальше просто покосившийся деревянный частокол из местных кривых дубов и буков. От времени стволы стали серыми и не казались прочными.

На входе сверкали свежими досками и незаржавевшими крепежными полосами распахнутые ворота. Два жирных неприятных стражника, с отрыжкой и сальными шуточками требовали у въезжающих мелкую плату. Один из них раскрыл было рот, чтобы истребовать и с меня, но, скользнув взглядом по плащу с гербом семьи, из-под которого красно-речиво торчал меч, осёкся и перестал нас замечать.

Городишко лежал в низине, возле мелководной бухты, где проезжающие корабли иногда становились на якорь, вяло торговали, отпускали моряков на берег, пополнялись водой и припасами. Весь город представлял собой лабиринт кривых непонятных улочек, тесных, узких, иногда тупиковых, под ногами плавали нечистоты, если шел дождь, то вода не спешила убраться, цвела и воняла. Зато в центре селения – тот самый рынок, а посреди бухты – песчаный остров с замком самого графа Эльбера Де Конкарно, куда вёл деревянный разводной мост. Окрестности замка как бы другой мир, там жили слуги и приближенные графа. Местная элита.

Простой народ от этого ни разу не унывал. Горожане, даже если жили вдесятером в брошенном доме на окраине без окон-дверей, и топили найденным на улице мусором, считали себя намного лучше сельских жителей, пусть и хуже оби-

тателей замкового острова. Хотя, по моим наблюдениям, даже от проходящего мимо ярко одетого купца пахло, как от старого сдохшего коня. И их высокомерие ни на чем не основано.

Конечно, моё баронство сразу видно. Люди не кланялись, но хотя бы расступались. Здесь люд одевался в соответствии со своим статусом, и так, чтобы сразу ясно – идет обувщик-ремесленник, у него кожаный передник, пояс с непонятными инструментами и рукава ниже локтя отсутствуют. Я за день увидел троих, и все выглядели так, будто существует строгий стандарт на внешний вид.

Главная улица несла людской поток к рынку.

Рынок – это такое странное место, куда одни люди привозят товар, другие приходят его купить. Все нороят друг друга обмануть, царит полнейшая антисанитария, ходят попрошайки, бродячие псы и велик риск быть обокраденным. Торговцы орут. Зная, что ищешь, можно смело ориентироваться на звук. Разносчики предлагают пирожки сомнительного происхождения. Словом, пока что самое веселое, что я видел в этом мире.

Верхом на рынок нельзя, так что мы протопали по его краю к таверне «Дебаркадер», двухэтажному побеленному зданию, которое напоминало свернувшегося калачиком на солнышке сытого пятнистого кота. Спешились и передали расторопному мальчишке поводья. Широченное крыльцо всего в три ступени провело внутрь.

Это заведение отличалось от трактира «Пьяная Цапля», как молодой откормленный боевой конь от паршивого ослика. Просторный светлый зал уходил в обе стороны. Всё из дерева, сравнительно чисто, ново, протерто и блестящее, как от смоляного покрытия. Прямо перед нами стойка, за которой невысокий и немолодой крепкий мужик с мощным орлиным носом дружелюбно объяснял что-то худому пареньку. Увидев нас, отослал его и обаятельно улыбнулся.

- Чем могу помочь молодым господам? – его голос был низкий, хриплый и грубоватый, одновременно и смеялся, и нес музыку человека бесконечно приятного в общении.

- А что означает «Дебаркадер»?

- Место высадки. Выгрузки. Тут любой мореход или путник может выгрузить свои проблемы, печали и страхи. Меня зовут Арман Джеа Гарк. Я хозяин заведения. Не молодой ли барон Соллей передо мной?

- Да. Простите за манеры. Не представился.

- Ну что вы, я имею честь видеть вас с детства, всю вашу благородную семью, когда вы посещаете Конкарно. Желаете откусать с дороги?

Нас усадили за стол с видом на рынок, сразу же подали вина - не такой гадости, как пил раньше. Я почувствовал, что верховая прогулка действительно утомила меня. Надо ещё пойти на рынок и найти Оливера, он планировал не ночевать в городе, а пусть и в ночь – обратно домой в замок. Усталость внесла свои коррективы, и мы со Снорре стали есть вкусней-

шую печёную говядину с полосками вяленой тыквы.

Арман по одному нашему поведению угадал, что мы кого-то ищем, послал того же шустрого парнишку найти Оливера.

Когда мажордом появился, то был сердит, вероятно на меня, но увидев Армана, разговорился, растаял. Они были давно знакомы. Хозяин таверны угостил его вином, сыром, крупно нарезанной ветчиной, взял с нас скромную сумму и проводил. Напоследок посетовал, что его заведение опять хочет купить некий Карло из «Золотого шлема».

В отличие от Оливера я не имел на рынке какой-то цели. Мы просто бродили, зорко следя чтобы не стащили кошелек или оружие. Смотрели на тарелки, расшитые платья, пахнущие свежей кожей ремни.

Когда брожение по рынку мне надоело, утянул Снорре в сторону моря.

* * *

Не знаю, как должен был выглядеть порт, но этот бардак меня разочаровал.

Захламленная узкая улочка вывела нас на какую-то небольшую шаткую деревянную конструкцию, торчащую из воды. Море было отвратительным, грязным, в воде плавали какие-то отбросы и дохлая ворона. Мелко, дно с крупными фрагментами мусора. Без видимой системы привязаны лодки разных размеров и форм. Корабли – в бухте. И это порт? - У вас разочарованный вид, – прямо за спиной произнес

резкий хриплый голос с ярко выраженным южанским акцентом.

Владелец голоса - немолодой мужчина, моряк, худой, остроносый, с пронзительным взглядом, в необычного вида шляпе. Мы подошли к нему вплотную и даже не заметили, хотя он не прятался. Сидел на бочке, свесив ноги и что-то вытачивал при помощи малюсенького ножа. От неожиданности мы постыдно вздрогнули, а он сделал вид что не заметил этого.

- Базил из Ливана, но род мой из Каваллино, Венеции, — он сделал неопределенный жест в сторону бухты. - Что же расстроило благородных юношей?

- Ну...

Я почувствовал себя немного неуверенно от того, что разговариваю с незнакомцем. Хотя какого черта, для меня в этом мире одни незнакомцы, чего мне стесняться? Выглядеть глупо? Кто посмеется надо мной, молодым бароном, в походном доспехе и при оружии?

- Кайл Соллей, — я немного поклонился и подал руку для рукопожатия. К моему облегчению он не пытался её поцеловать, как крестьяне, а пожал чрезвычайно цепкой хваткой корабела.

- Простите жителя лесов и холмов. Впервые вижу порт. И...

- А это не порт, — с детской непосредственностью перебил мореход, спрыгнул с бочки и замахал рукой.

- То есть, конечно, город считается портом, но нет! Это каботажные пристаньки. Настоящий порт, это такие большие пристани, такие, чтобы судно могло подойти вплотную, кинуть концы, привязать, спустить трап, сходить прямо с борта и обратно. Таскать грузы. А здесь - как бедный родственник, становишься посреди бухты, бдительно следишь, чтоб ветер не утянул на отмели. Нанимаешь местных пьянчуг на лодках для разгрузки. Замахнешься пополняться припасами. Поэтому большинство капитанов тянут до Бресте. А это всё мелкая крысиная суета. Желаете вина из чудесного жаркого местечка Таррако?

Мореход не дождался ответа, суетливо полез в поясную сумку, достал простую глиняную бутыл, оплетенную мелкой сеткой растительного происхождения, три глиняных же стакана и налил ароматного красного вина.

Было вкусно. Базил принялся рассказывать какую-то странную историю из собственной жизни. Шторм, веревки, блеющая коза. Трагическую, но подавал с юмором. Я мгновенно потерял нить повествования, а Снорре хохотал как гигантский ребенок.

- Есть такая легенда, – голос моряка стал серьезен. - Давно это было. Однажды судно с отважными мореплавателями попало в сильный шторм. Ночь. Дождь льет, как в день Великого Потопа. Волны удар за ударом бьют о борт, как пьяные барабанщики. Мачты сложились, словно сломанные крылья гибнущей птицы. Трюм дал течь. Как не боролся экипаж,

смерть была неминуема.

Тогда молодой благородный капитан, рассказывают, что был он королевских кровей, прокричал что было сил в море, что отдаст жизнь, но просит бога ветров и морей спасти судно и матросов.

И зов его был услышан. Внезапно волны расступились, показалась фигура. Женщина стояла среди волн в свете молний. И сказала она тихо, но каждый разобрал слова. Что если готов он внести свою плату, пусть корабль идет за ней. Волны возле корабля успокоились, хотя кругом бушевала стихия. На последнем парусе, на остатках вёсел проложил курс за ней отважный капитан. Завела она их в чудесную тихую бухту, где не было ни ветра, ни шторма.

Велела капитану плыть к берегу. И как ни просили моряки, он спустил шлюпку и сел за весла. Один. Все видели, что она старая, страшная, а в руках древний колдовской нож. А он подошел к ней. Взял за руку, и они удалились к хижине на холме.

Всю ночь дрожали от страха мореходы.

Утром оказалось, что это не хижина – а дворец. И что старуха на самом деле молодая прекрасная девица. И что капитан разглядел всё это сквозь колдовство.

Они поженились, а капитан остался жить на берегу. Жизнь ей отдал, как и обещал. Девушку ту звали Николь. В счастье прожили много лет. И когда капитан умер, она так грустила, что вышла на берег бухты и растворилась в тумане.

Говорят, что та бухта приносит любому, кто в ней окажется - удачу на всю жизнь в мореходном деле. Но никогда больше она не приходит на помощь тонущим судам, потому что сердце её разбито навек.

- Я слышал эту историю, – хрипло и неожиданно серьезно отозвался Снорре.

- Конечно, – согласился Базил. - Её рассказывают на всех берегах. Не раз мореходы дрались, доказывая, что знают, где та бухта. Но никто не знает, ни в каком море, ни в какой стране это было. Даже имя Николь, у разных народов разное.

* * *

- Чем могу помочь благородному барону э-э-э.....

Я стоял и смотрел на немолодого полусклоненного иудея, который тянул звук, давая мне возможность назвать свой род или имя.

На дворе стоял теплый май, крестьяне вовсю занимались своими полевыми делами, новички-эспье продолжали тренироваться по шесть дней в неделю, на седьмой отдыхали, пели песни на Пятке, разводили костер, тайком пили кислое вино, дрались, мирились и гоготали над глупыми шутками друг друга.

Я прочитал единственные три книги в замке. Чтение далось мне быстро, хотя некоторые символы одной из книг не удалось понять. Ну, две-то оказались разновидностью священного писания. Третья о местных травах, лечении и колдовстве на их основе. Подозреваю, что травник был сплошь

антинаучным и набит темными суевериями.

Других источников информации в землях Соллей - не было. Тогда я обратился к отцу.

- Книги? Неподходящее занятие для рыцаря. Половина благородных мужей едва могут написать своё имя. Но ты особенный. Прости, в нашей земле тебе книг не встретить. Может в замке графа и есть полдюжины, держат как диковинную ценность. Но отправить тебя туда я боюсь, Фарлонги не дремлют, да и Эльбер нам не родня. Попробуй в субботу съездить в Конкарно спросить на рынке, может кто и подскажет.

И я совершил свою вторую поездку в Конкарно.

На рынке сообразили очень быстро, отправив в лавку к иудею. Они так и говорили, презрительно вытягивая губы «иудей». Странная замена имени, ведь это всего лишь религиозная классификация. Говорили – все иудеи сплошь грамотеи и у них есть книги, а от книг только одни беды.

И вот я стою перед этим низеньким немолодым дядькой, толстоватым, лысоватым, суетным. С тоской и беспокойством в темно-карих глазах. Мой вечный спутник Снорре – обнаружил на улице отличную широкую скамейку в тени деревьев, посчитал, что в иудейской лавке мне ничего не угрожает и развалился там, как громадная нахальная собака.

- Меня зовут Кайл Соллей. Позвольте мне сесть, благородный хозяин? И узнать ваше имя.

Иудей поклонился в пояс, не говоря ни слова метнулся в

глубину своей лавки, через секунду появился, ловко таща большое кресло, поставил его прямо в центре помещения наподобие трона, исчез за моей спиной, кряхтя запер входную дверь, уже через мгновение ухватил за рукав, притащил к креслу, стал передо мной как подданный, хотя таковым не был. При этом он обильно жестикулировал и закатывал глаза.

- О Пророк Моисей, какой человек посетил мою скромную хижину! Простите, простите, простите. Я Шлойме. Дер-жу тут скромную лавку с ничем не примечательным старьём. Шлойме. Сын Абрама, внук Йосифа. Что угодно молодому благородному кавалеру?

- Уважаемый Шлойме, великодушно извините меня за то, что нарушил ваш покой. На рынке подсказали, что в вашей лавке могут быть книги.

- Ах, рынок. Какие замечательный щедрые добрые люди там торгуют. Помнят про старого Шлойме. Долги отдавать не помнят, а что у меня есть ха-ха две-три книги – помнят. Чудесные люди. Самые лучшие на свете соседи. Ни у кого на свете нет таких соседей как у меня. Всегда помогут, подскажут, если что-то возьмут без спроса, пообещают отдать. Такой хороший город, так нравится мне, все щедры.

Я терпеливо ждал. Лавочник был способен генерировать слова до самого утра. Но ни в коем случае не хотелось обидеть этого напуганного жизнью дядьку. Когда поток слов ослаб, он перешел к осторожным намекам, таким же, как и

отец, о том, что это крайне необычно и чудесно, чтобы благородный носитель меча и рыцарского щита интересовался текстом подлиннее вывески на борделе.

- Мессир Шлойме. Мне показалось, что вы слышали обо мне, хотя видите впервые. Что говорят про младшего из рода Соллей?

- Люди всякого болтают, – иудей как-то присел и стал косяться по сторонам. - Но я ничего не слышал. Если что и говорят, Шлойме слышал только хорошее, только хорошее и чудеса. Шлойме все время в работе, все время прибирает в лавке и считает убытки по вечерам. Садимся с моей Геулой. Считаю убытки и плачем. Благодарим Бога за троих ребятишек и плачем о своей нищете.

- Шлойме! Простите что перебиваю. Что за мир такой – все меня боятся! М-м-м-м. Если вопрос о слухах вас травмирует, не будет это трогать. Не будем. Только успокойтесь. Слышали обо мне. Наверное, историю про болота? Все же книги. Вернемся к книгам. Я не пришел вас грабить или обижать. Прошу дать мне их почитать. Книги. Вот прямо сейчас. Пододвинем замечательное кресло ближе к окну. Откройте свою лавочку. И принесите, что у вас есть почитать. И воды, если можно.

Торговец захлопнул свой неумолкающий рот, постоял пару секунд, так же за рукав вытащил меня из кресла. Сам его подвинул к окну. Не дал сесть сразу. Сбегал за неким подобием одеяла. Постелил, посадил, крикнул старшую дочь,

чтобы принесла воды. Куда-то убежал. За это время маленькая худенькая остроглазая девочка принесла мне воды с мёдом и каких-то пресных хлебцев, поклонилась и убежала, сгибаясь от кашля на бегу.

Потом Шлойме принес три книги разных размеров. Я взял первую же, открыл и поморщился. Стихи. Отпил сразу половину кружки воды. Ну что, стихи так стихи.

Картина была странной. Иудей отпер лавку. Несколько раз приходили люди и столбенели. Мало того, что на входе дремал большой недружелюбный норд с топором. В самой лавке, у окна, завернувшись в одеяло с какими-то национальными иудейскими узорами, сидел молодой барон и читал. Немыслимо. Если знать – я читал нескладные стихи, многие явно эротического содержания.

Мне было плевать на общественное мнение. Ощущение своей необычности в любом случае не покидало меня ни на секунду. Статус барона – помогал в этом. А все странности пусть списывают на свои собственные религиозные убеждения.

Читал быстро, одновременно осваиваясь в языке.

В Арморике и не только тут, в ходу так называемый «всеобщий». По-видимому, всеобщий это изменившийся язык древних, которые наследили и тут. Скорее всего, сотни диких племен, у каждого свой язык. Древние общались только на своём. Насаждали его среди дикарей. Плюс письменность – алфавит. Устные языки умирали вместе с носителями, а

книги, свитки, грамоты, документы и даже надписи на стенах – жили дальше. В итоге все говорили на различных модификациях одного языка, дико подмешивая свои словечки и акцент. Но понять при желании можно.

Конечно, норманны или как их называли – норды, отличались разительно. Их язык звучал как чужеродное карканье. Снорре, чья неграмотность не вызывает сомнения, тем не менее сносно общался на рынке с мореходами на нордском. Звучало ужасно. Надо будет заставить и меня научиться хотя бы основам.

Часть слов в книгах я откровенно не понимал. Что-то запоминал, чтобы потом разузнать, остальное пропускал, пытаясь выудить смысл и без этого. Источники информации были слабыми. Вторая книга – как водится краткое Священное писание. Третья – жизнеописание какого-то бандита или короля. История увлекла меня, я даже не искал информацию, мне было просто интересно, чем закончится сюжет, сможет ли он победить монстра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.